

Двадцать
тысяч лье
под водой
—
Жюль Верн

Я Р К И Е С Т Р А Н И Ц Ы

Капитан Немо

Жюль Верн

Двадцать тысяч лье под водой

«ЭКСМО»

1869-70

УДК 821.133.1-312.9

ББК 84(4Фра)-44

Верн Ж. Г.

Двадцать тысяч лье под водой / Ж. Г. Верн — «Эксмо»,
1869-70 — (Капитан Немо)

ISBN 978-5-04-207624-4

Жюль Верн создал в литературе новое направление – научную фантастику, и предсказал многие открытия: изобретение самолета, телевидения, космические полеты. Пророческий взгляд писателя, его изобретательность и умение в красках представить читателю самые невероятные ситуации и сюжетные перипетии – все это послужило благодатной почвой для многочисленных киноадаптаций, достойных больших экранов. «Двадцать тысяч лье под водой» – научно-фантастический роман о кругосветном плавании Капитана Немо и пассажиров подводной лодки «Наутилус». Невероятная и волнующая история приключений в подводном мире, полная самых захватывающих событий. Капитан Немо и его корабль «Наутилус» превратился в легенду. Их фантастические приключения зовут читателя за собой! Каково это – жить под водой? Чем грозит встреча с невиданной подводной лодкой? Герои романа посещают острова Новой Гвинеи, добывают жемчуг, встречают акул в Индийском океане, находят загадочную Атлантиду...

УДК 821.133.1-312.9

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-207624-4

© Верн Ж. Г., 1869-70

© Эксмо, 1869-70

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	31
Глава шестая	38
Глава седьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Жюль Верн

Двадцать тысяч лье под водой

Jules Verne

VINGT MILLE LIEUES SOUS LES MERS

© Савина Е., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Жюль Верн
—
**Двадцать тысяч
лье под водой**

Москва
2024

Часть первая

Глава первая Ускользящий риф

Невероятным событием ознаменовался 1866 год, о котором, безусловно, помнят и по сей день. Оно породило немало слухов, волновавших жителей портовых городов и будораживших умы людей по всему миру, в особенности тех, кто связан с морем. Негоцианты, судовладельцы, шкиперы и кормчие из Европы и Америки, флотские офицеры разных стран, а также правительства государств на обоих континентах чрезвычайно заинтересовались этим необъяснимым и загадочным явлением.

Дело в том, что с некоторых пор многие корабли начали встречать в море некую «громадину» – длинный веретенообразный объект, гораздо больше и быстрее кита, и к тому же фосфоресцирующий.

Описание внешнего вида этого объекта или существа, его небывалой скорости, удивительной мощности движения и необыкновенной прочности, которой он, казалось, наделен, в записях судовых журналов почти полностью совпадало. Если это было морское животное, то размерами оно превосходило всех известных науке китообразных. Ни Кювье¹, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не поверили бы в существование подобного чудовища, не увидев его собственными глазами, то есть глазами ученых.

И если обобщить многочисленные наблюдения, отбросив скромные оценки, по которым таинственный объект достигал двухсот футов в длину, и отклонив явные преувеличения его ширины до тысячи футов и длины до целых трех, можно было с уверенностью утверждать, что это необыкновенное существо крупнее всех животных, известных современным ихтиологам. Если только оно и впрямь существовало.

Зная об извечной склонности человеческого ума ко всему чудесному и загадочному, легко представить, какой переполох произвело во всем мире это сверхъестественное явление. Однако животное все же существовало – сей факт уже не подлежал сомнению. Так что попытки определить эту историю в категорию слухов и выдумок провалились.

Дело в том, что 20 июля 1866 года пароход «Губернатор Хиггинсон», принадлежавший «Калькуттской и Бирманской паровой компании», встретил огромную движущуюся массу в пяти милях от восточных берегов Австралии. Капитан Бейкер решил поначалу, что видит перед собой неизвестный риф; он даже принялся определять его точные координаты, но тут из загадочного объекта вырвались два водяных столба и со свистом взлетели на сто пятьдесят футов над уровнем моря. А значит, если только это был не подводный риф, подверженный извержениям гейзеров, «Губернатор Хиггинсон» имел дело с неизвестным науке морским млекопитающим, выпускающим из ноздрей фонтаны воды, смешанной с воздухом и паром.

Нечто похожее наблюдали 23 июля того же года в водах Тихого океана моряки «Христофора Колумба» – судна «Вест-Индской и Тихоокеанской паровой компании». Стало очевидно, что удивительное китообразное способно перемещаться с невероятной скоростью, ведь

¹ Жорж Леопольд де Кювье (1769–1832) – французский естествоиспытатель, натуралист. Открыл, определил и описал свыше 150 вымерших видов животных; Бернар Жермен де Ласепед (1756–1825) – французский ихтиолог, исследователь и государственный деятель; Андре-Мари Дюмериль (1774–1860) – французский зоолог, специалист по амфибиологии и ихтиологии; Жан-Луи Катрфаж (1810–1892) – французский зоолог и антрополог. (Здесь и далее прим. перев.)

«Губернатор Хиггинсон» и «Христофор Колумб», наблюдавшие его с разницей в три дня, находились друг от друга на расстоянии в семьсот морских лье².

Две недели спустя, в двух тысячах лье от вышеупомянутого места, французское судно «Гельвеция» Национальной пароходной компании и британский пароход «Шеннон» Королевской почтовой службы, которые шли встречным курсом на участке Атлантики, поделенном между Соединенными штатами и Европой, почти одновременно сообщили о встрече с «чудовищем» на 42°15' северной широты и 60°35' западной долготы по Гринвичскому меридиану. Благодаря этому двойному свидетельству удалось установить, что примерная длина морского млекопитающего составляет не менее трехсот пятидесяти английских футов³, поскольку размерами оно превосходило и «Шеннон», и «Гельвецию» – оба судна имели длину корпуса в сто метров от носа до кормы. Однако длина самых крупных китов, заплывающих в район Алеутских островов Куламмак и Умгуллик, никогда не превышала пятидесяти шести метров, – если вообще достигала такого значения!

Эти отчеты, полученные один за другим, а также новые наблюдения с борта трансатлантического судна «Перейра», столкновение чудовища с пароходом «Этна» судоходной линии Инман, доклады офицеров французского фрегата «Нормандия», а также весьма подробное описание, сделанное командором Фитц-Джеймсом на борту «Лорда Клайда», глубоко взволновали общественное мнение. В странах с более легкомысленным отношением к жизни феномен стал темой для шуток, но в странах серьезных и прагматичных – Англии, Америке, Германии – им занялись всерьез.

Во всех крупных городах планеты морское чудовище вошло в моду: о нем пели песенки в кафе, над ним глумились в газетах, его сделали героем театральных представлений. У газетных уток появился прекрасный повод нести яйца всех цветов. Журналисты стали вновь извлекать на свет всевозможных фантастических гигантов, от белого кита, грозного Моби Дика северных морей, до огромного Кракена, который мог обхватить своими щупальцами судно водоизмещением в пятьсот тонн и увлечь его в океанскую бездну. В доказательство газетчики даже приводили письменные свидетельства давних времен, в частности, слова Аристотеля и Плиния, допускавших существование подобных чудовищ, а также норвежские заметки епископа Пондопиддана, рассказы Поля Хеггеде и, наконец, отчеты господина Харрингтона, чья правдивость не вызывает сомнений. Последний утверждал, что в 1857 году, находясь на борту «Кастиллана», собственными глазами видел исполинскую змею, которая до той поры «заплывала» лишь на страницы приснопамятного «Конституционалиста»⁴.

В научных сообществах и специализированных изданиях разразились бесконечные споры между легковерными и скептиками. «Вопрос морского чудовища» будоражил умы. Журналисты научных изданий, ополчившиеся на адептов сверхъестественного, пролили во время той памятной баталии реки чернил, а кое-кто даже пару капель крови, поскольку от обсуждения морской змеи перешли к оскорбительным выпадам против соперников.

Шесть месяцев продолжалась эта война; перевес оказывался то на одной, то на другой стороне. Статьи ученых из Бразильского географического института, Берлинской королевской академии наук, Британской ассоциации, Смитсоновского института в Вашингтоне, дискуссии в периодических изданиях «Индиан аршипелаго», «Космос» аббата Муаньо, «Миттейлунген» Петерманна, научные хроники, опубликованные в солидных газетах Франции и других стран, неизменно встречали пылкий отпор на страницах бульварной прессы. Пародируя слова Линнея, процитированные кем-то из противников чудовища, остроумные писаки заявляли, что

² Старинная французская единица измерения расстояния, равная 5555,5 м (длина дуги одной двадцатой градуса земного меридиана).

³ Около 106 метров. Английский фут составляет 30,4 см.

⁴ Французский политический ежедневник, основанный в 1815 г.

«природа не делает глупцов»⁵ и призывали современников не клеветать на природу, приписывая ей создание кракенов, морских змей, «моби дигов» и прочих неправдоподобных существ. Наконец, одна крайне воинственная сатирическая газета опубликовала статью известного писателя, в которой тот, подобно Ипполиту, уложил монстра на лопатки, нанеся ему смертельный удар своим пером под взрывы всеобщего хохота. Остроумие победило науку.

В первые месяцы 1867 года тема была окончательно похоронена и, казалось, уже не возродится, как вдруг до сведения публики дошли новые факты. Теперь уже речь шла не о научной загадке, а о реальной угрозе, которую требовалось устранить. Дело приняло совсем иной оборот. Чудовище превратилось в островок, скалу, риф, – но риф ускользающий, загадочный, неуловимый.

Ночью 5 марта 1867 года пароход «Моравиан» Монреальской океанической компании, оказавшись в точке с координатами 27°30' северной широты и 72°15' западной долготы, ударился правым бортом о скалу, которая не значилась ни на одной карте. Попутный ветер и четыреста лошадиных сил позволили судну развить скорость в тринадцать узлов. Если бы не исключительная прочность корпуса, от такого удара «Моравиан», вне всякого сомнения, пошел бы ко дну вместе с людьми, включая команду и двести тридцать семь пассажиров, которых он вез из Канады.

Столкновение произошло около пяти часов утра, когда рассвет еще только занимался. Вахтенные ринулись на корму. Они напряженно всматривались в океанские просторы. Однако ничего не увидели, кроме мощной кильватерной струи, с плеском взрезавшей волны в трех кабельтовых⁶ – казалось, кто-то яростно молотит по водной глади. Установив координаты, «Моравиан» продолжил выполнять рейс без видимых следов повреждения. С чем же он столкнулся? С подводной скалой или остовом разбившегося корабля? Это так и осталось загадкой. Позже, при осмотре корпуса в доке, выяснилось, что часть киля раздроблена.

Чрезвычайно серьезное само по себе, происшествие кануло бы в Лету, как и множество других, если бы три недели спустя не повторилось при схожих обстоятельствах. Благодаря национальной принадлежности пострадавшего судна и репутации владеющей им пароходной компании новый случай получил широчайшую огласку.

Кто не знает знаменитого английского судовладельца Кунарда? Этот талантливый промышленник основал в 1840 году почтовое сообщение между Ливерпулем и Галифаксом, которое обслуживали три деревянных колесных парохода мощностью в четыреста лошадиных сил и водоизмещением в тысячу сто шестьдесят две тонны. По прошествии восьми лет флот компании пополнился четырьмя судами мощностью в шестьсот пятьдесят лошадиных сил и водоизмещением в тысячу восемьсот двадцать тонн, а спустя два года – двумя еще более мощными и крупными пароходами. В 1853 году компания Кунарда, в очередной раз получив исключительное право на доставку спешных отправок, постепенно добавила к своей флотилии «Аравию», «Персию», «Китай», «Шотландию», «Яву» и «Россию» – первоклассные корабли, уступавшие скоростью и тоннажем только пароходу «Грейт Истерн». Таким образом, в 1867 году компания владела двенадцатью судами, восемь из которых были колесными, а четыре – винтовыми.

Я привожу здесь все эти подробности, чтобы подчеркнуть важность вышеупомянутой судоходной компании, снискавшей мировую известность благодаря грамотному управлению. Ни одна из трансокеанских компаний в сфере морских перевозок не могла похвастаться столь же умелым руководством; ни одно из предприятий не добилось большего успеха. За два-

⁵ На французском эта фраза (*la nature ne fait pas de sots*) совпадает по звучанию с известным высказыванием Карла Линнея «Природа не делает скачков» (*La nature ne fait pas de sauts*).

⁶ Международный кабельтов (1/10 морской мили) – 185,2 метра. Изначально так называли корабельный трос для швартов и буксиров; как единицу измерения кабельтов стали использовать, поскольку трос на судне брался определенной, одинаковой длины. Три кабельтовых – 555,6 м.

дцать шесть лет пароходы Кунарда две тысячи раз пересекли Атлантику, без отмен рейсов, без опозданий, причем ни единого письма, человека или судна не было потеряно. И по сей день, несмотря на мощную конкуренцию со стороны Франции, пассажиры предпочитают эту компанию всем остальным, как явствует из официальных документов последних лет. Поэтому неудивительно, что происшествие с одним из лучших пароходов Кунарда вызвало столь широкий резонанс.

13 апреля 1867 года «Шотландия» находилась на 15°12' западной долготы и 45°37' северной широты; море было спокойным, ветер – благоприятным. Тысяча лошадиных сил несли судно со скоростью тринадцать целых и сорок три сотых узла. Колеса парохода равномерно рассекали волны. Осадка составляла шесть метров семьдесят сантиметров, а водоизмещение – шесть тысяч шестьсот двадцать четыре кубических метра.

В четыре часа семнадцать минут пополудни, когда пассажиры обедали в кают-компании, корпус «Шотландии» слегка вздрогнул от едва ощутимого удара в кормовую часть, немного позади колеса левого борта.

Причем не «Шотландия» что-то задела – какой-то острый предмет ее, скорее, пропорол или проткнул, а не ударил. Толчок был настолько слабым, что никто из находившихся на борту не встревожился, пока не раздались крики выскочивших на палубу трюмных матросов:

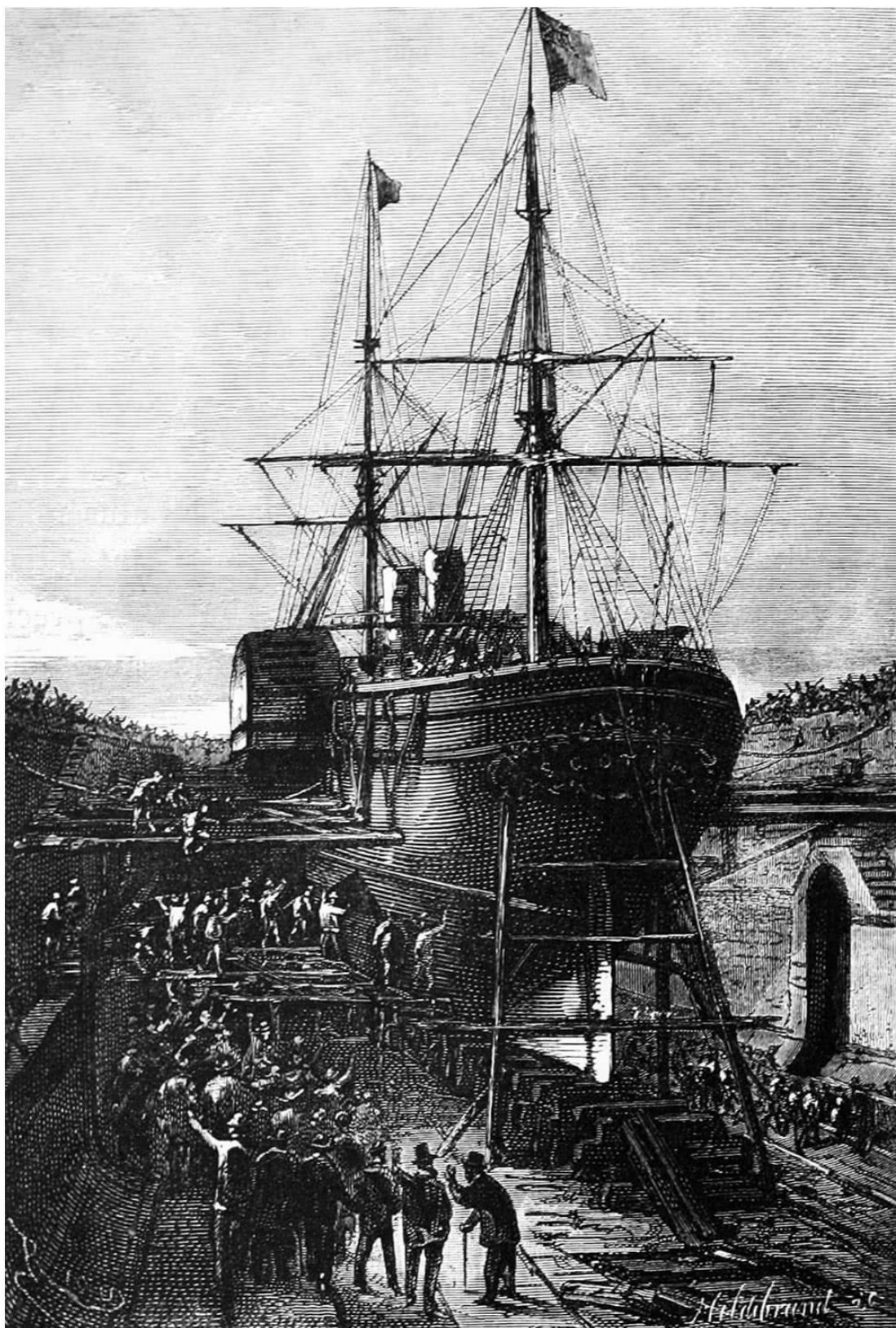
– Течь в трюме! Течь в трюме!

Сперва пассажиры очень испугались, но капитан Андерсон поспешил их успокоить. И в самом деле, непосредственная опасность судну не грозила. «Шотландия», разделенная на семь отсеков водонепроницаемыми перегородками, могла не бояться пробоин.

Капитан Андерсон немедленно спустился в трюм. Выяснилось, что море затапливает пятый отсек, причем, судя по скорости прибывания воды, пробоина была значительной. К счастью, паровые котлы находились в другом отсеке, иначе бы топки моментально погасли.

По приказу капитана судно остановили, после чего один из матросов нырнул за борт, чтобы оценить размер повреждений. Через несколько минут он обнаружил в подводной части корпуса двухметровую дыру. Заделать такую большую пробоину не представлялось возможным, и «Шотландия», с наполовину утопленными гребными колесами, была вынуждена продолжить рейс. В момент удара пароход находился в трехстах милях от острова Клир-Айленд⁷, однако пришел в ливерпульский порт с трехдневным опозданием, что вызвало немалое беспокойство.

⁷ Остров у юго-западного побережья Ирландии, самый южный из обитаемых островов страны.

«Шотландию» поставили в сухой док, и инженеры приступили к осмотру.

«Шотландию» поставили в сухой док, и инженеры приступили к осмотру. Они не верили своим глазам. В двух с половиной метрах ниже ватерлинии зияла аккуратная пробоина в форме равнобедренного треугольника. Дыра в обшивке корпуса имела идеально ровные края, будто ее вырезали резак. Стало очевидно, что проделавший такое отверстие инструмент обладал

необычайной прочностью: он не только пробил железную обшивку толщиной в четыре сантиметра, но и каким-то необъяснимым образом высвободился из пробоины!

Таково было последнее событие, которое вновь всколыхнуло общественное мнение. С той поры все необъяснимые несчастные случаи на морских просторах приписывались таинственному зверю. Справедливо или нет, фантастическое чудовище назначили виновным за все эти кораблекрушения, число которых, к сожалению, весьма велико: согласно ежегодно публикуемому в «Бюро-Веритас» отчету, из трех тысяч затонувших судов не менее двухсот и по сей день считаются пропавшими без вести!

Так или иначе, из-за «морского чудовища» сообщения между континентами становились все более опасными, а потому возмущенная общественность решительно потребовала во что бы то ни стало избавить наконец океаны от грозного китообразного.

Глава вторая

За и против

Во время описанных событий я как раз возвращался из научной экспедиции по бесплодным землям штата Небраска в Северной Америке. Правительство Франции направило меня туда как адъюнкт-профессора⁸ при Парижском музее естественной истории. Ближе к концу марта, собрав за полгода в Небраске драгоценные коллекции, я прибыл в Нью-Йорк. Мой отъезд во Францию назначили на первые числа мая. А пока я занимался классификацией найденных сокровищ из области минералогии, ботаники и зоологии. Именно тогда и произошла авария с «Шотландией».

Разумеется, я был прекрасно осведомлен о волновавшем всех вопросе – да и как иначе? Я читал и перечитывал все статьи на эту тему в американских и европейских газетах, но так и не приблизился к ответу. Таинственная история не давала мне покоя. Пытаясь найти разгадку, я бросался из одной крайности в другую. В том, что в морских глубинах что-то крылось, сомнений не было, а скептикам предлагали «вложить персты в язвы»⁹ продырявленной «Шотландии».

Когда я прибыл в Нью-Йорк, тема приобрела особую злободневность. Гипотезу о плавучем острове, или неуловимом рифе, поддерживаемую некоторыми невежами, окончательно отвергли. Никакой риф не мог бы перемещаться с такой невероятной скоростью – разве что в утробе у него имелся двигатель.

Так же отринули идею о блуждающем по морям острове потерпевшего крушение судна – опять-таки из-за скорости перемещения.

Таким образом, оставалось только два возможных объяснения, расколовших общество на два лагеря: тех, кто верил в существование животного, наделенного колоссальной силой, и сторонников подводного корабля с необычайно мощным двигательным механизмом.

Однако и последняя гипотеза, казавшаяся наиболее вероятной, не отвечала на все вопросы, возникшие в ходе расследований у жителей Старого и Нового Света. Едва ли подобное механическое судно попало в распоряжение частного лица. Где и когда его могли построить? Как удалось сохранить его строительство в тайне?

Только правительство было способно создать механизм, обладающий такой разрушительной силой. В наше страшное время, когда человечество изобретает все более смертоносные виды оружия, какое-нибудь государство вполне могло тайком разработать этот грозный двигатель и теперь его испытывать. После винтовок Шасспо¹⁰ – торпеды, после торпед – подводные тараны; потом... затишье. По крайней мере, я на это надеюсь.

Но гипотезу о военном подводном корабле опровергли в официальных заявлениях правительства разных стран. Поскольку речь шла об интересах всего человечества, и трансокеанские сообщения находились под угрозой, искренность властей не вызывала сомнений. Да и можно ли было скрыть создание такого подводного судна от внимания общественности? Сохранить этот секрет в подобных обстоятельствах очень сложно даже для частного лица, и совершенно нереально для государства, любые действия которого находятся под пристальным наблюдением соперничающих держав.

⁸ Помощник или заместитель профессора.

⁹ Убедиться в чем-либо при помощи фактов. Выражение из Евангелия (апостол Фома не хотел верить в то, что Христос воскрес, пока не вложил свои пальцы (персты) в нанесенные Господу раны от гвоздей (язвы гвоздиные).

¹⁰ Игольчатая однозарядная винтовка, разработанная французским оружейником Антуаном Шасспо в 1866 году. Использовалась во французской армии в 1866–1874 годах.

В итоге, после расследований, проведенных в Англии, Франции, России, Пруссии, Испании, Италии, Америке и даже в Турции, гипотеза о подводном мониторе¹¹ была решительно отвергнута.

Опять на поверхность всплыло приснопамятное морское чудовище, несмотря на насмешки бульварной прессы; воодушевленная публика рисовала в своем воображении самые абсурдные картины из области ихтиологической фантастики.

Когда я приехал в Нью-Йорк, несколько человек оказали мне честь, обратившись по интересующему всех феномену. Когда-то во Франции я опубликовал двухтомное исследование *in quarto*¹² под названием «Тайны морских глубин». Книгу высоко оценили в научном сообществе, и с тех пор меня считали экспертом в этой малоизученной области естественной истории. Ждали моего мнения. Не имея достоверных фактов за или против гипотезы, я поначалу избегал всяческих утверждений, ссылаясь на неосведомленность. Но вскоре, припертый к стене, был вынужден дать подробный комментарий. Таким образом, «знаменитый профессор Пьер Аронакс из Парижского музея» не смог отказать «Нью-Йорк Геральд» в просьбе высказать хоть какое-то суждение.

И я его высказал. Дальше молчать было бы совсем неприлично. Я рассмотрел вопрос со всех сторон, с политической и научной. Привожу здесь отрывок из своей весьма содержательной статьи, опубликованной в номере от 30 апреля.

«Итак, – писал я, – внимательно изучив все выдвинутые гипотезы, и за отсутствием других предположений, я вынужден признать существование морского животного, наделенного огромной силой.

Нам почти ничего не известно о глубинных слоях океана. Никакой зонд их еще не достигал. Что творится в этих неведомых безднах? Какие существа обитают или могут обитать на глубине двенадцати или пятнадцати миль под уровнем моря? Как устроен их организм? Остается лишь строить догадки.

Однако решение поставленной передо мной задачи может принять форму дилеммы.

Либо нам известны все виды населяющих нашу планету существ, либо не все.

Если мы не знаем всего, если природа еще таит от нас секреты в области ихтиологии, логично допустить возможность существования новых видов или даже родов рыб или китообразных, особых «глубоководных» организмов, которые обитают в недоступных для исследования глубинах, и которые в силу физических законов или по прихоти природы изредка оказываются в верхних слоях океана.

Если же, напротив, нам известны все биологические виды, то следует искать подобное животное среди уже изученных обитателей морей, и в этом случае я склонен допустить существование гигантского нарвала.

Обычный нарвал, или морской единорог, зачастую достигает шестидесяти футов в длину. Умножьте эту цифру на пять, а то и на десять, наделите китообразное соразмерной силой, увеличьте соответственно его бивень – и вы получите искомое чудовище! У него будут размеры, описанные офицерами «Шеннона», грозный бивень, способный продырявить «Шотландию», и достаточная для этого мощь.

У нарвала и в самом деле есть нечто вроде костяной шпаги, подобие алебарды, по меткому выражению натуралистов. Это огромный, твердый, как сталь, рог. Иногда следы нанесенных им ран обнаруживали на теле китов, которых нарвалы с успехом атакуют. Порой осколки бивня извлекали из кораблей – нарвалы протыкали деревянные корпуса насквозь, как бурав просверливает бочку. В музее Парижского медицинского факультета хранится один из подоб-

¹¹ Тип низкобортного броненосного артиллерийского корабля, преимущественно прибрежного действия.

¹² Полиграфический термин, обозначающий размер листа бумаги в одну четверть листа, а также печатные издания такого формата (лат. «в четвертую часть», «в четвертку» от лат. *quartus* «четвертый»).

ных бивней длиной два метра двадцать пять сантиметров, достигающий в окружности сорока восьми сантиметров!

А теперь вообразите бивень в десять раз больше и животное в десять раз мощнее, представьте, что оно движется со скоростью двадцати миль в час, помножьте его массу на скорость, и вы поймете причину катастрофы.

Итак, пока не появятся более обширные данные, я склоняюсь к версии о морском единороге колоссальных размеров, вооруженном не только алебардой, но и настоящим тараном¹³, как у бронированных фрегатов или стенобитных орудий, которые обладают схожей массой и движущей силой.

Так можно было бы объяснить этот необъяснимый феномен, – если только он не является плодом воображения, вопреки всему, что люди наблюдали, видели, чувствовали и переживали, – что тоже вполне вероятно!»

Последние слова были проявлением малодушия с моей стороны, но я хотел, в некотором роде, защитить свою профессорскую честь и не стать жалким посмешищем в глазах американцев, которые всегда не прочь подшутить. Я оставил себе путь к отступлению. Хотя в глубине души допускал возможность существования «чудовища».

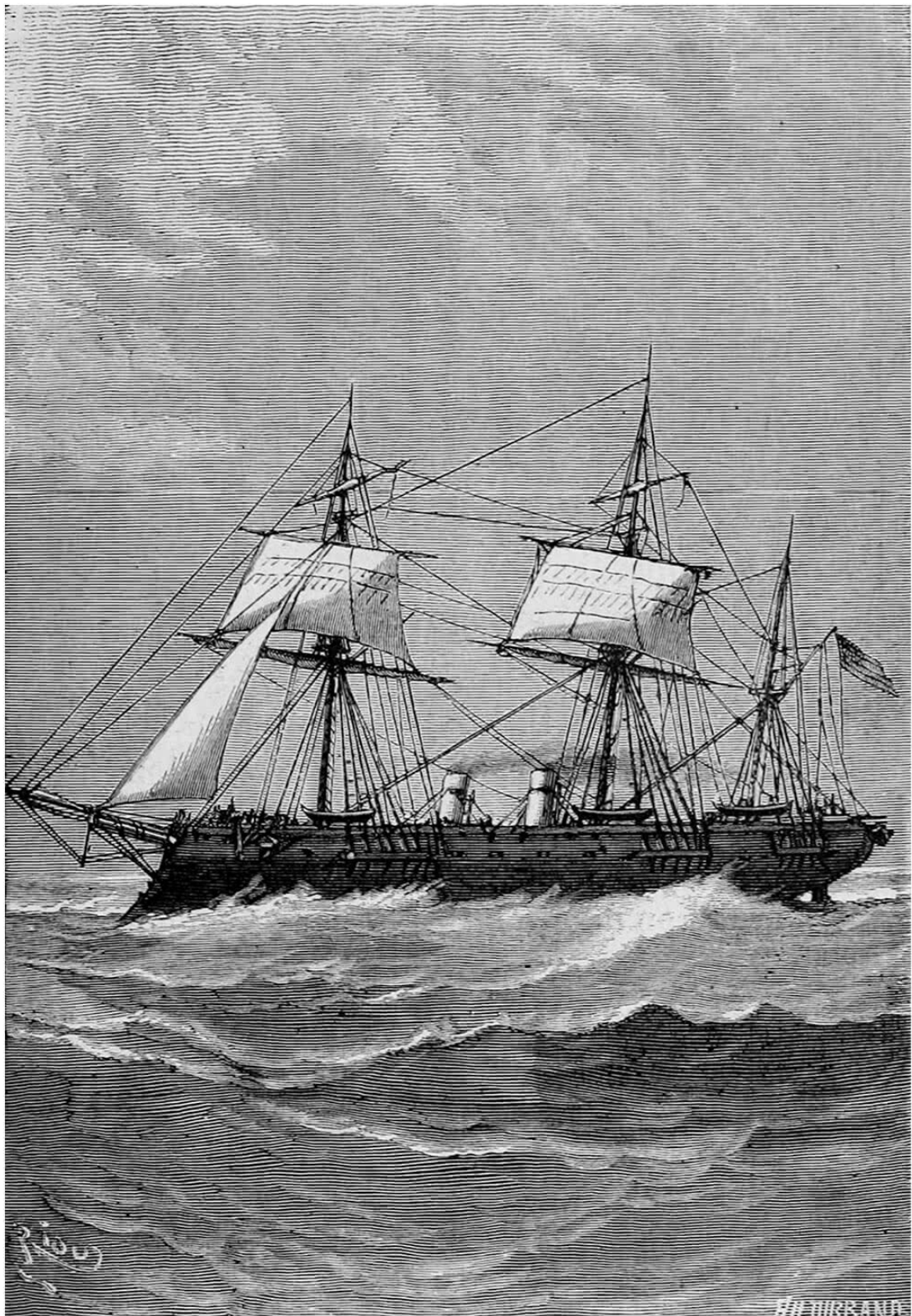
Моя статья вызвала жаркие дискуссии, что обеспечило ей широкую огласку. Многие выступили в ее поддержку. Впрочем, предложенное решение оставляло простор для воображения. Грандиозные идеи о сверхъестественных существах всегда пленяли человеческий разум. Море неизменно будит нашу фантазию, ведь это единственная среда, способная породить гигантов, рядом с которыми земные животные, вроде слонов и носорогов, кажутся карликами, – только здесь они могли бы возникнуть и развиваться. Водные массы перемещают самых больших известных науке млекопитающих планеты; возможно, они таят в себе огромных моллюсков и жутких на вид ракообразных, – например, стометровых омаров или двухтонных крабов! Почему бы и нет? Древние земные животные, современники прежних геологических эпох, – четвероногие, четверорукие¹⁴, рептилии, птицы – имели колоссальные размеры. Создатель бросил их в гигантскую плавильную форму, которая постепенно ужалась со временем. Так почему бы морю не сохранить в своих неведомых глубинах эти грандиозные лекала жизни былых эпох, ведь оно остается незыблемым, тогда как ядро Земли беспрестанно меняется? Почему бы ему не укрыть в своем чреве последних представителей титанических существ, для которых годы – все равно что века, а века – тысячелетия?

Но я поддался влиянию фантазий, которым не должен предаваться ученый! Довольно с меня химер, которые вдруг стали ужасной реальностью! Повторяю, я высказал мнение о природе этого явления, и все читатели безоговорочно признали существование невиданного создания, которое не имело ничего общего со сказочными морскими змеями.

Однако, если одни видели в этом лишь научную загадку, то другие, более рассудительные, особенно в Америке и Англии, сочли необходимым избавить океан от страшного чудовища, чтобы обезопасить трансокеанские сообщения. Большинство газет, освещавших вопросы промышленности и торговли, придерживалось именно этой точки зрения. «*Шиппинг энд Меркэнтайл газетт*», «Ллойд», «Пакебот», «Ревю-маритим-колониаль» – все издания, защищающие интересы страховых компаний, грозивших поднять расценки, высказались единодушно.

¹³ Таран, или шпирон, – разновидность вооружения корабля, предназначенная для боя на самой короткой дистанции и имеющая вид конструктивного элемента форштевня в виде массивного бивня (шпилона), служащего для поражения подводной части вражеского корабля с целью потопления.

¹⁴ Один из двух отрядов, на которые был в XVIII веке искусственно разделен отряд приматов. Он включал в себя всех приматов, за исключением человека, который выделялся в отряд *Vimanus* (двурукие).

Фрегат «Авраам Линкольн».

Как только общественное мнение было обнародовано, Соединенные Штаты первыми перешли к активным действиям. В Нью-Йорке началась подготовка к экспедиции, целью которой было преследование гигантского нарвала. Быстроходный фрегат «Авраам Линкольн» гото-

вился выйти в море в ближайшее время. Военное ведомство открыло свои арсеналы капитану Фаррагуту, который настойчиво просил предоставить вооружение для судна.

Но как всегда случается, в тот самый момент, когда было принято решение отправиться на поиски чудовища, оно перестало показываться на глаза. В течение двух месяцев о нем никто не слышал. Ни один корабль с ним больше не встречался. Казалось, таинственный единорог каким-то образом узнал о затеваемых против него заговорах. Ведь об этом трубили повсюду! Сообщались даже по трансатлантическому телеграфному кабелю! Некоторые шутники говорили, что хитрая рыбина перехватила одну из телеграмм и с выгодой использовала полученные сведения.

Так что теперь фрегат, снаряженный для дальнего похода и оборудованный гигантскими рыболовными снастями, не знал, куда держать курс. Всеобщее нетерпение нарастало, когда 2 июля поступили сведения, что пароход, следующий из Сан-Франциско в Шанхай, три недели назад снова заметил морское чудовище в северных морях Тихого океана.

Новость вызвала бурю чувств. Капитану Фаррагуту не дали и суток на сборы. Провиант загрузили на судно. Трюмы ломались от угля. Команда была полностью укомплектована. Оставалось лишь разжечь печи, разогреть котлы и отчалить! Ему не простили бы задержки и в полдня! Впрочем, капитану Фаррагуту и самому не терпелось отправиться в плавание.

За три часа до того, как «Авраам Линкольн» должен был покинуть бруклинский пирс, я получил письмо следующего содержания:

*«Господину Аронаксу,
профессору Парижского музея естествознания
Гостиница «Пятая авеню»
Нью-Йорк
Милостивый государь!*

Если вы желаете присоединиться к экспедиции на фрегате «Авраам Линкольн», правительство Соединенных Штатов Америки будет счастливо видеть Вас в ее составе как представителя Франции. Капитан Фаррагут уже распорядился подготовить для Вас каюту.

*С искренним почтением,
Дж.-Б. Хобсон,
Министр военно-морских сил»*

Глава третья

Как будет угодно господину профессору

Еще за три секунды до того, как письмо Дж.-Б. Хобсона попало ко мне в руки, я думал об охоте на единорога не больше, чем о попытке преодолеть ледовые поля Северо-Западного прохода¹⁵. И уже через три секунды после прочтения письма уважаемого министра военноморских сил я вдруг понял, что мое истинное призвание, единственная цель всей жизни – отправиться в погоню за этим грозным зверем и освободить от него мир.

Однако я только что вернулся из опасного путешествия, уставший и мечтающий об отдыхе. Больше всего на свете мне хотелось вновь увидеть родину, друзей, свою скромную квартирку возле Ботанического сада и милые сердцу драгоценные коллекции! Но ничто не могло меня остановить. Позабыв обо всем – об усталости, друзьях, коллекциях, – я без лишних раздумий принял предложение американского правительства.

«Впрочем, – думал я, – все пути ведут в Европу! Единорог наверняка проявит любезность и приведет меня к берегам Франции! Это благородное животное непременно даст себя поймать в европейских морях – исключительно чтобы доставить мне удовольствие, – и я добуду для Музея естествознания не менее полуметра его костяной алебарды».

Ну а пока мне предстояло отправиться на поиски нарвала в северные воды Тихого океана – то есть в противоположную сторону от родной Франции.

– Консель! – нетерпеливо крикнул я.

Консель был моим слугой. Молодой фламандец сопровождал меня во всех путешествиях. Я любил его, и он платил мне взаимностью. Флегматичный по природе, честный из принципа, усердный по привычке, ничему не удивляющийся, сноровистый, всегда готовый услужить, он, вопреки своему имени¹⁶, никогда не давал советов – даже когда к нему за таковыми обращались.

Пообтесавшись среди ученых в нашем тесном миреке Ботанического сада, Консель нахватался кое-каких знаний. В его лице я получил специалиста, весьма подкованного в области естественно-научной классификации, который с ловкостью акробата взбирался по всем ступеням лестницы типов, групп, классов, подклассов, отрядов, семей, родов, подро́дов, видов и разновидностей. На этом его научные познания заканчивались. Классифицировать – вот все, что он умел и чем интересовался в жизни. Очень сведущий в теории классификации, но не в ее практическом применении, Консель, пожалуй, не отличил бы кашалота от кита. И все же это был на редкость славный и достойный малый!

На протяжении последних десяти лет Консель следовал за мной всюду, куда забрасывала меня наука. И никогда не приходилось слышать от него ни слова жалобы на слишком долгое или изнурительное путешествие. Ни единого возражения против того, чтобы собраться в дорогу и отправиться в далекий Китай или Конго. Он был готов ехать куда угодно без лишних расспросов. А кроме того, имел крепкое здоровье, способное противостоять любым болезням, и стальные мускулы при полном отсутствии нервов; ни малейшего намека на нервы – разумеется, в психическом смысле.

Конселю было тридцать лет, и его возраст относился к возрасту его господина так же, как пятнадцать к двадцати. Да простят мне, что я сообщаю о своем сорокалетии в такой сложной форме!

¹⁵ Морской путь через Северный Ледовитый океан вдоль северного берега Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг.

¹⁶ *Фр.* Conseil – совет.

Однако был у Конселя один недостаток. Ярый формалист, он всегда обращался ко мне исключительно в третьем лице, что порой ужасно раздражало.

– Консель! – повторно окликнул я, торопливо собираясь в дорогу.

Преданность Конселя не вызывала у меня никаких сомнений. Обыкновенно я не спрашивал, хочет ли он сопровождать меня в путешествии, но на этот раз речь шла об экспедиции, которая могла затянуться на неопределенный срок, об опасном предприятии, об охоте на животного, которое способно потопить фрегат, словно ореховую скорлупу! Здесь было о чем подумать даже самому невозмутимому человеку в мире! Что же скажет Консель?

– Консель! – крикнул я в третий раз.

Тот наконец явился.

– Господин профессор меня звал? – спросил он, входя.

– Да, мой друг. Собери мои вещи и собирайся сам. Мы уезжаем через два часа.

– Как будет угодно господину профессору, – спокойно ответил Консель.

– Нельзя терять ни минуты. Уложи в сундук мои дорожные принадлежности, костюмы, рубашки, носки – все, что сможешь найти. И поторопись!

– А коллекции господина профессора? – уточнил Консель.

– Ими займемся позже.

– Но как же архиотерии¹⁷, гиракотерии¹⁸, ореодоны, херопотамусы и другие скелеты ископаемых?

– Оставим их на хранение в гостинице.

– А как же бабирусса¹⁹?

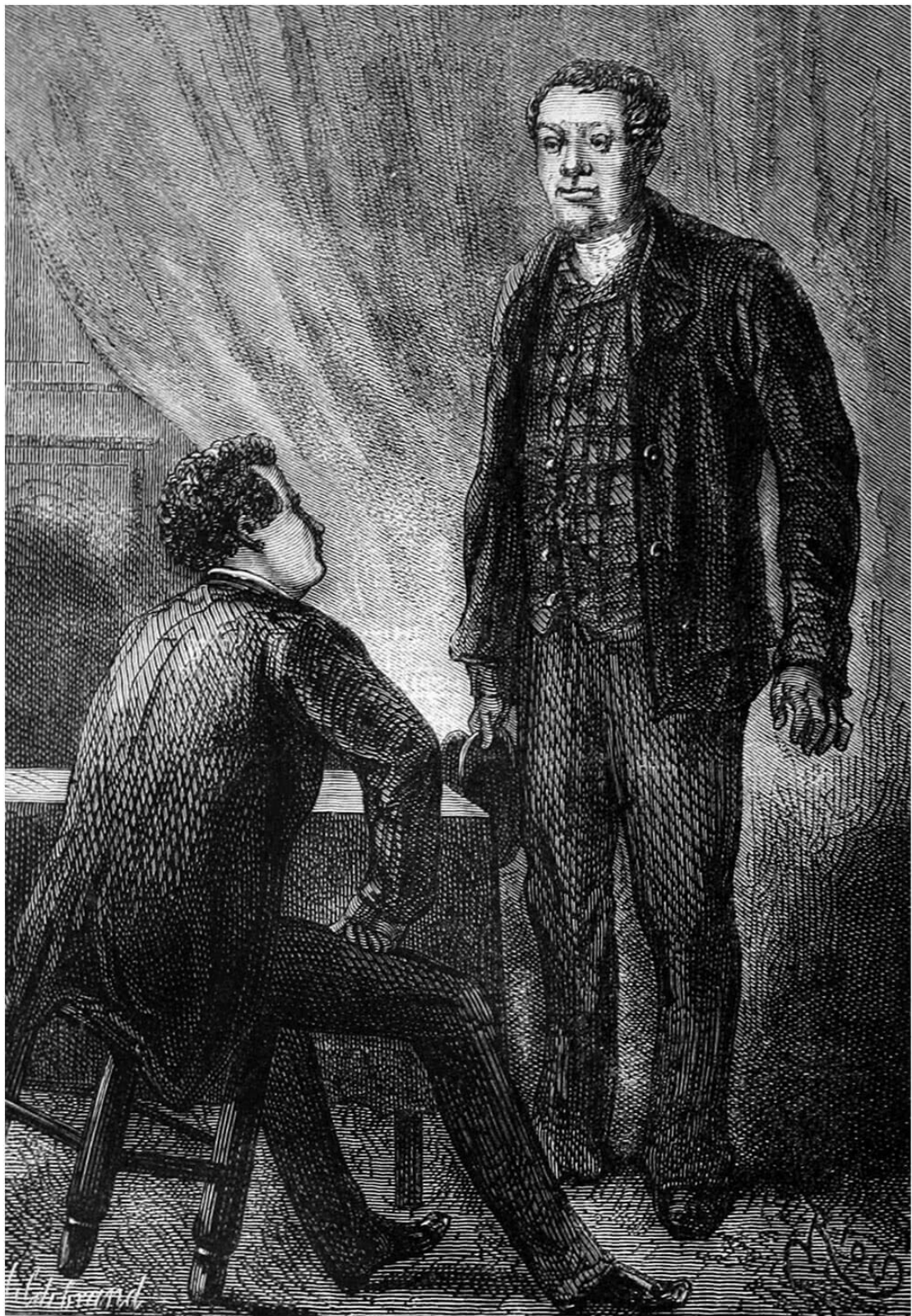
– Ее будут кормить во время нашего отсутствия. Впрочем, я распоряжусь отправить наш зверинец во Францию.

– Значит, мы в Париж не вернемся? – спросил Консель.

¹⁷ Род парнокопытных из семейства энтелодонтов, представители которого существовали с конца эоцена по конец олигоцена на территории современных США и Канады.

¹⁸ Вымерший род непарнокопытных, считающийся одним из наиболее ранних представителей лошадеподобных животных.

¹⁹ Вид парнокопытных млекопитающих из семейства свиных подотряда свинообразных. Обитает в Индонезии.

– Как будет угодно господину профессору.

– Ну почему же... непременно вернемся, – уклончиво ответил я. – Только сделаем небольшой крюк.

– Хорошо. Если господину профессору будет угодно, сделаем крюк.

– Крюк будет совсем пустяковый! Мы просто поедem менее прямым путем, только и всего. Поплывем на «Аврааме Линкольне»...

– Как будет угодно господину профессору, – безмятежно согласился Консель.

– Видишь ли, друг мой, речь идет о чудовище... о том самом знаменитом нарвале... Мы избавим от него моря!.. Автор двухтомника, *in-quarto*, «Тайны морских глубин» не может отказаться от участия в экспедиции с капитаном Фаррагутом. Миссия почетная, но... весьма опасная! Непонятно даже, куда идти! Кто знает, что у этого зверя на уме? Однако будь что будет! Наш капитан – человек не робкого десятка!..

– Куда господин профессор, туда и я, – заявил Консель.

– Ты все-таки подумай хорошенько. Я не хочу ничего от тебя скрывать. Из таких путешествий не всегда возвращаются!

– Как будет угодно господину профессору.

Спустя четверть часа чемоданы были уложены. Консель легко управился со сборами, и я был уверен, что он ничего не забыл, поскольку этот парень классифицировал рубашки и сюртуки не менее мастерски, чем птиц и млекопитающих.

Гостиничный лифт²⁰ доставил нас в большой вестибюль на антресольном этаже. Сбежав по ступенькам вниз, я оплатил счет у широкой стойки, вечно осаждаемой большой толпой. Распорядился, чтобы тюки с чучелами животных и засушенными растениями отправили во Францию (Париж). Наконец открыл щедрый кредит на корм для бабируссы и, в сопровождении Конселя, прыгнул в ожидавший экипаж.

Экипаж стоимостью двадцать франков за поездку спустился по Бродвею до Юнион-сквер, покатил по Четвертой авеню до перекрестка с Бауэри-стрит, свернул на Кэтрин-стрит и остановился у тридцать четвертого пирса. Там мы, вместе с лошадьми и экипажем, загрузились на паром, который доставил нас в Бруклин – крупный пригород Нью-Йорка, расположенный на левом берегу Ист-Ривер, – и через несколько минут оказались на пристани, где стоял «Авраам Линкольн», извергая из своих двух труб клубы черного дыма.

Наш багаж немедленно подняли на верхнюю палубу фрегата. Я взбежал по трапу на борт и спросил капитана Фаррагута. Один из матросов проводил меня на ют, где нас встретил морской офицер приятной наружности.

Он протянул мне руку и спросил:

– Господин Пьер Аронакс?

– Собственной персоной, – ответил я. – А вы капитан Фаррагут?

– Он самый. Добро пожаловать, господин профессор. Каюта к вашим услугам.

Я поблагодарил капитана и, оставив его готовиться к отплытию, в сопровождении матроса прошел в приготовленную для меня каюту.

«Авраам Линкольн» был идеально приспособлен для своей новой задачи. Это был быстросходный фрегат, оснащенный самыми современными паровыми машинами, которые позволяли увеличивать давление пара до семи атмосфер. Благодаря такому давлению «Авраам Линкольн» мог развивать среднюю скорость в восемнадцать и три десятых мили в час, – скорость весьма значительную, но все же недостаточную для погони за гигантским китообразным.

Внутреннее убранство фрегата соответствовало его мореходным качествам. Мне очень понравилась моя расположенная на корме каюта, которая сообщалась с кают-компанией для командного состава.

– Нам здесь будет очень уютно, – сказал я Конселю.

– Не хуже, чем раку-отшельнику в раковине моллюска-трубача, с позволения сказать, – согласился Консель.

²⁰ В нью-йоркской гостинице «Пятая авеню» (*англ.* Fifth Avenue) был установлен первый в мире пассажирский лифт. Отель открылся в 1859 году и был спроектирован специально для установки лифта.

Я оставил Конселя разбираться с чемоданами и поднялся на палубу, чтобы понаблюдать за приготовлениями к отплытию.

Капитан Фаррагут как раз велел отдать швартовы, которые удерживали «Авраам Линкольн» у бруклинского пирса. Задержись я на четверть часа, а то и меньше, – фрегат отплыл бы без меня, и я лишился бы возможности поучаствовать в этой уникальной, сверхъестественной, невероятной экспедиции, правдивый рассказ о которой может показаться чистым вымыслом.

Капитан Фаррагут не желал терять ни единого дня, ни единого часа, стремясь поскорее достичь морей, где только что видели таинственного зверя. Он вызвал старшего механика.

– Давление достаточное? – спросил капитан.

– Так точно, капитан, – ответил механик.

– Go ahead²¹! – крикнул Фаррагут.

По команде – ее немедленно передали в машинное отделение с помощью аппарата, приводимого в действие сжатым воздухом – механики повернули пусковой рычаг. Пар со свистом вырвался из приоткрытых клапанов. Длинные горизонтальные поршни закрипели, толкая гребной вал. Лопасти винта принялись рассекать волны с нарастающей скоростью, и вскоре «Авраам Линкольн» величественно двинулся вперед в сопровождении сотни паромов и тендеров²², набитых зрителями.

Толпы любопытных заполнили все пирсы Бруклина и примыкающей к Ист-Ривер части Нью-Йорка. Из пятисот тысяч глоток последовательно грянуло троекратное «ура». Тысячи платков взметнулись над плотной людской массой, провожая фрегат «Авраам Линкольн», пока тот не достиг оконечности вытянутого полуострова, образующего город Нью-Йорк, и не вышел в Гудзон.

Следуя вдоль живописного, усеянного вилами правого берега реки со стороны Нью-Джерси, фрегат проплыл между фортами, которые приветствовали его залпами самых больших орудий. В ответ «Авраам Линкольн» три раза приспустил американский флаг с тридцатью девятью звездами, который развевался на бизань-гафеле; затем, замедлив ход, чтобы войти в обозначенный бакенами фарватер, закруглявшийся во внутренней бухте у оконечности Санди-Хука²³, судно миновало эту песчаную косу под шумные приветствиями многотысячной толпы зрителей.

Кортеж из катеров и тендеров неотступно следовал за фрегатом до плавучего маяка²⁴, чьи два огня указывают путь в нью-йоркский порт.

Склянки пробили три часа пополудни. Спустившись в свою шлюпку, лоцман вернулся на маленькую шхуну, ожидавшую под ветром. Давление в котлах увеличили; лопасти винта еще быстрее замолотили по волнам; фрегат прошел вдоль низкого желтого побережья Лонг-Айленда и в восемь часов вечера, оставив на северо-западе огни острова Файр-Айленд²⁵, на всех парах устремился в темные воды Атлантики.

²¹ Вперед! (*англ.*).

²² Зд. – небольшие вспомогательные суда катерного типа с паровым двигателем для обслуживания кораблей.

²³ Узкая песчаная коса, выдающаяся в море от берега Нью-Джерси. Прикрывает внешнюю часть нью-йоркской гавани с моря.

²⁴ Судно особой конструкции, установленное на якоре в открытом море для ограждения наиболее опасных мелей и подводных скал, а также близ портов в качестве приемных навигационных знаков и лоцманской станции на входе в фарватер.

²⁵ Один из барьерных островов острова Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, США.

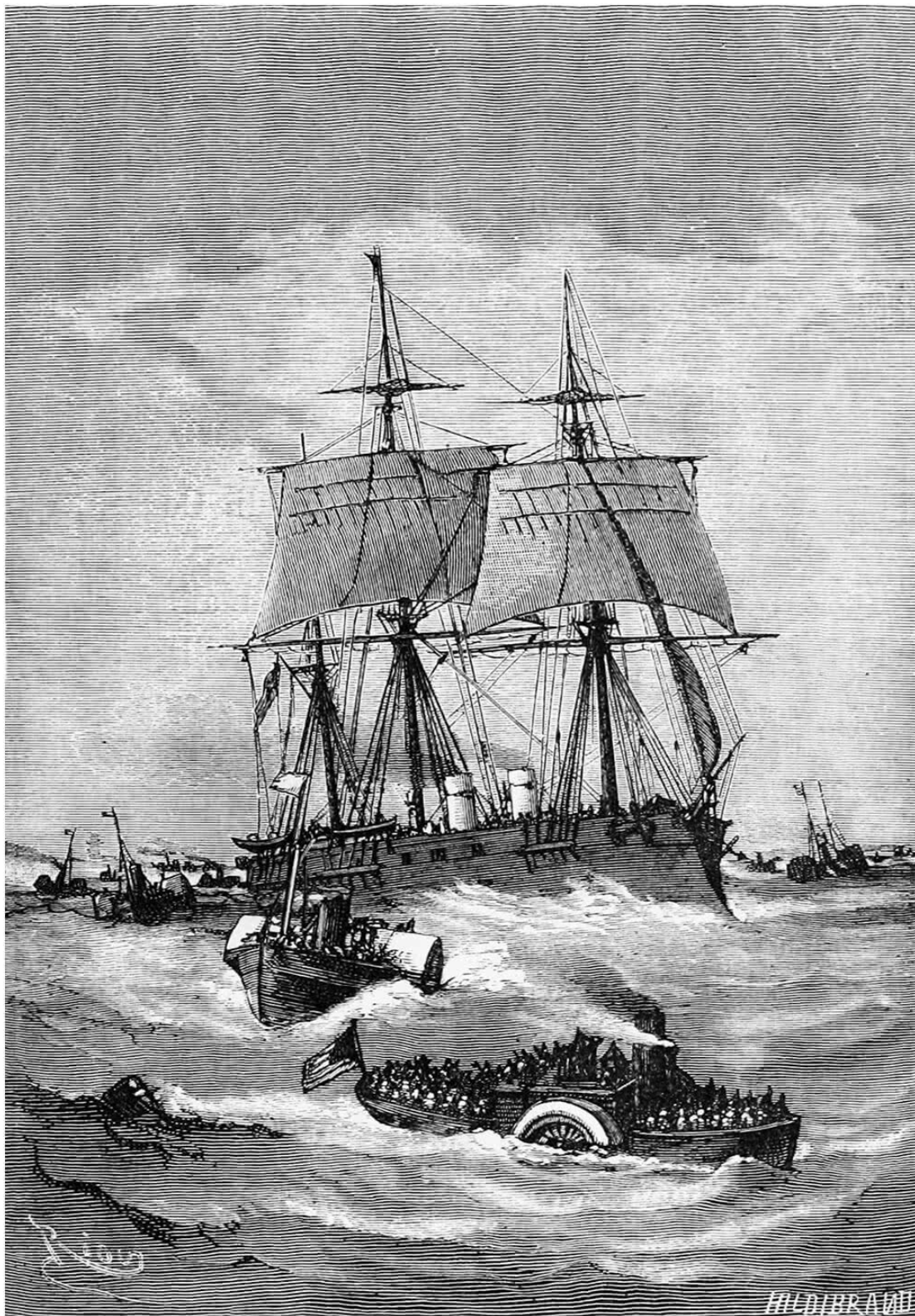
Глава четвертая Нед Ленд

Капитан Фаррагут был опытным моряком, достойным вверенного ему фрегата. Он и корабль составляли единое целое, и капитан был его душой. У него не возникло никаких сомнений насчет существования таинственного китообразного, и он решительно пресекал любые возникающие на борту споры по этому вопросу. Фаррагут верил в существование животного безоговорочно, как иные кумушки верят в Левиафана, – не разумом, а сердцем. Чудовище существовало, и капитан вынес ему приговор: он избавит моря от этой напасти. В нем было что-то от рыцаря-крестоносца на Родосе, этакого Дьёдонне де Гозона²⁶, который шел на встречу со змеем, разоряющим его остров. Одному предстояло убить другого в смертельной схватке: либо капитану Фаррагугу – нарвала, либо нарвалу – капитана Фаррагуга. И никак иначе.

Весь командный состав фрегата разделял мнение своего командира. Слышали бы вы, как они беседовали, обсуждали, спорили, просчитывали вероятность встречи! Видели бы, как напряженно вглядывались они в бескрайние океанские просторы! Многие добровольно вызывались нести вахту на реях брамселя, хотя в любых других обстоятельствах посчитали бы эту обязанность проклятием. Пока солнце выписывало в небе свою привычную дугу, рангоут был облеплен нетерпеливыми матросами – казалось, доски палубы обжигали им пятки! Хотя «Авраам Линкольн» даже не коснулся еще своим форштевнем²⁷ подозрительные воды Тихого океана!

²⁶ Дьёдонне де Гозон – дворянин из Лангедока, 27-й Великий магистр ордена госпитальеров в 1346–1353 годах и третий магистр после перемещения ордена с Кипра на Родос.

²⁷ Носовая оконечность судна, являющаяся продолжением киля.

Кортеж из катеров и тендеров неотступно следовал за фрегатом.

Члены экипажа, все как один, только и мечтали, чтобы встретить единорога, загарпунить его, втащить на борт и разрубить на куски. Они всматривались в морскую гладь с пристальным вниманием. К тому же капитан Фаррагут обещал денежное вознаграждение в две тысячи долларов любому юнге, матросу, старшине или кому-то из командного состава, кто первым заме-

тит животное. Можете представить, как напрягали зрение все находившиеся на борту «Авраама Линкольна»!

Я тоже не отставал от других, никому не доверяя свои ежедневные научные наблюдения. Наш фрегат мог бы по праву именоваться «Аргусом»²⁸. Один лишь Консель выказывал полное равнодушие к предмету поимки, не вовлекаясь в царивший на борту ажиотаж.

Как я уже говорил, капитан Фаррагут позаботился о том, чтобы оборудовать корабль необходимыми приспособлениями для охоты на гигантского морского млекопитающего. Даже китобойные суда не могли бы похвастаться лучшим оснащением. У нас имелись все известные на тот момент орудия лова, от обычного ручного гарпуна до мушкетонных с зазубренными стрелами и длинноствольных уточниц²⁹ с разрывными пулями. На полубаке установили пушку усовершенствованной конструкции, заряжавшуюся с казенной части, с толстой броней и узким жерлом – подобную модель должны были представить на Всемирной выставке в 1867 году. Это бесценное орудие американского производства запросто могло отправить четырехкилограммовый конический снаряд на расстояние в шестнадцать километров.

Таким образом, «Авраам Линкольн» имел все необходимые средства уничтожения. Но у него было и кое-что получше. У него был Нед Ленд, король гарпунеров.

Канадец Нед Ленд слыл искуснейшим китобоем и не знал равных в своем опасном ремесле. Хладнокровие и сноровка, хитрость и отвага – он был наделен этими качествами в наивысшей степени; только очень коварному киту или необычайно сообразительному кашалоту удалось бы избежать его гарпуна.

Нед Ленду было около сорока лет. Это был рослый – не ниже шести английских футов – мужчина крепкого телосложения, сурового нрава, неразговорчивый, довольно вспыльчивый и впадающий в ярость при малейшем противоречии. Он неизменно обращал на себя внимание, в особенности, пронизательным взглядом, который подчеркивал его незаурядную внешность.

Полагаю, капитан Фаррагут поступил весьма мудро, наняв этого человека. Он один стоил всего экипажа, благодаря острому зрению и твердой руке. Пожалуй, его уместно сравнить с мощным телескопом, объединенным с пушкой, всегда готовой к выстрелу.

Любой канадец – тот же француз, и, должен признаться, несмотря на свою нелюдимость, Нед Ленд проникся ко мне некоторой симпатией. Несомненно, все дело в моей национальности. Наше общение предоставляло ему возможность поговорить на старинном языке Рабле, каковой по-прежнему использовался в некоторых канадских провинциях, а мне – услышать звучание родной речи. Гарпунщик происходил из семьи потомственных рыболовов, которая обосновалась в Квебеке еще во те времена, когда этот город принадлежал Франции.

²⁸ Многоглазый великан, персонаж древнегреческой мифологии, нередко получавший эпитеты «Всевидящий», «Многоглазый» или «Панопт».

²⁹ Крупнокалиберный дробовик для промысловой охоты с лодки на гусей и уток (применялся в XIX – начале XX века).

Неду Ленду было около сорока лет.

Постепенно Нед разговорился, и я с удовольствием слушал истории о его приключениях в полярных морях. Описания рыбной ловли и сражений с китами отличались удивительной поэтичностью. Его рассказы приобретали поистине эпический размах; казалось, я слушаю какого-то канадского Гомера, нараспев читающего «Илиаду» гиперборейских земель!

Я изображаю здесь своего отважного попутчика таким, каким знаю его теперь. Мы с ним стали добрыми друзьями – такого рода нерушимая дружба зачастую рождается в самых страшных обстоятельствах! Нед, славный ты парень! Как бы я хотел прожить еще сотню лет, чтобы подольше вспоминать тебя!

Какого же мнения придерживался Нед Ленд о морском чудовище? Признаться, он совершенно не верил в существование единорога и, единственный из находившихся на борту, не разделял всеобщего убеждения. Он даже предпочитал вообще не касаться в разговоре этой темы, хотя я надеялся его когда-нибудь переубедить.

Прекрасным вечером 30 июля, то есть спустя три недели после отплытия, фрегат находился на широте мыса Блан, в тридцати милях под ветром от берегов Патагонии. Мы пересекли тропик Козерога – менее чем в семистах милях к югу простирался Магелланов пролив. Уже через неделю «Аврааму Линкольну» предстояло бороздить волны Тихого океана.

Сидя на полуюте, мы с Недом болтали о том о сем, глядя на таинственное море, чьи глубины до сих пор оставались недоступны человеческому взору. Совершенно естественным образом я завел разговор об океанском чудовище, рассуждая о шансах нашей экспедиции на успех или неудачу. Видя, что Нед явно не склонен поддерживать беседу на эту тему, я решил взять быка за рога:

– Послушайте, Нед, почему вы не верите в существование китообразного, за которым мы гоняемся? У вас есть какие-то веские причины для сомнений?

Прежде чем ответить, гарпунщик пару мгновений молча смотрел на меня, затем привычным жестом постучал себя по широкому лбу, прикрыл глаза, будто собираясь с мыслями, и наконец сказал:

– Возможно, господин Аронакс.

– Нед, вы же опытный гарпунщик и не понаслышке знакомы с крупнейшими морскими млекопитающими! А потому легко могли бы представить себе исполинского кита и принять нашу гипотезу! Уж кто-кто, а вы никак не должны были в ней усомниться.

– Ошибаетесь, господин профессор, – ответил Нед. – Может, какие-то невежды еще верят в существование комет, бороздящих небо, или допотопных чудовищ, населяющих недра Земли, однако ни астрономы, ни геологи не принимают подобные выдумки всерьез. Также и китобой. Я не раз преследовал китов, я загарпунил огромное их количество; несмотря на всю мощь и силу, ни хвосты, ни клыки не способны пробить стальную обшивку корпуса парохода.

– И все же, Нед, по некоторым сведениям, нарвалу порой удавалось протаранить судно своим клыком!

– Возможно, то были деревянные суда! – отвечал канадец. – Чего не видел, того не видел. И пока не докажут обратное, я отказываюсь признавать, что киты, кашалоты или морские единороги способны дырявить корабли.

– Послушайте, Нед...

– Нет, господин профессор, даже не просите. Кто угодно, только не китообразные. Может, гигантский осьминог?..

– Маловероятно, Нед. Осьминог – всего лишь моллюск. Даже само название³⁰ указывает на недостаточную твердость его плоти. Имей осьминоги хоть пятьсот футов в длину, они остаются беспозвоночными, а потому не представляют никакой угрозы для кораблей вроде «Шотландии» или «Авраама Линкольна». Следовательно, все эти рассказы о подвигах кракенов и тому подобных чудовищ – не более, чем мифы.

– То есть вы, господин натуралист, по-прежнему убеждены в существовании гигантского китообразного? – насмешливо спросил Нед Ленд.

³⁰ Название «моллюск» происходит от *лат. molluscus* – «мягкий».

– Да, Нед! И моя убежденность опирается на логику фактов. Я верю в существование высокоорганизованного млекопитающего организма, принадлежащего, подобно китам, кашалотам или дельфинам, к подтипу позвоночных и наделенного костным бивнем необычайной крепости.

Гарпунер недоверчиво хмыкнул и покачал головой с видом человека, который остался при своем мнении.

– Заметьте, почтеннейший канадец, – продолжил я, – что если подобное животное существует, если оно обитает в глубинах океана и способно проникать в водные слои, расположенные в нескольких милях от поверхности, его организм непременно должен отличаться непревзойденной прочностью.

– И для чего ему такая сила? – спросил Нед.

– Чтобы выдерживать давление водных масс на большой глубине.

– В самом деле? – Нед смотрел на меня, прищурившись.

– В самом деле! Есть некоторые цифры, которые без труда докажут вам эту гипотезу.

– Цифры! – фыркнул Нед. – Цифрами можно крутить как угодно!

– В делах – да. Но не в математике. Послушайте, Нед. Допустим, что давление в одну атмосферу соответствует давлению водяного столба высотой тридцать два фута. В действительности высота этого столба была бы чуть меньше, поскольку плотность морской воды выше, чем пресной. Так вот, Нед, при нырянии ваше тело испытывает давление во столько атмосфер, то есть во столько килограммов на каждый квадратный сантиметр своей поверхности, сколько таких столбов воды по тридцать два фута, поставленных один на другой, отделяют вас от поверхности моря. Следовательно, на глубине трехсот двадцати футов давление составляет десять атмосфер, на глубине трех тысяч двухсот футов – сто атмосфер, а на глубине тридцати двух тысяч футов, или около двух с половиной тысяч футов, – тысячу атмосфер. Иными словами, если бы вы погрузились в морскую пучину на такую глубину, каждый квадратный сантиметр вашего тела испытал бы давление в тысячу килограммов. Знаете ли вы, мой дорогой Нед, какова ваша площадь в квадратных сантиметрах?

– Даже не представляю, господин Аронакс.

– Около семнадцати тысяч.

– Так много?

– И поскольку в действительности атмосферное давление немного выше, чем один килограмм на квадратный сантиметр, в данный момент ваши семнадцать тысяч квадратных сантиметров испытывают давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограммов.

– А я этого даже не замечаю?

– А вы этого даже не замечаете. Вас не расплющивает только благодаря воздуху, который находится внутри вашего тела и имеет такое же давление. Возникает идеальный баланс внешнего и внутреннего давлений, которые нейтрализуют друг друга, позволяя вам без проблем их выдерживать. Однако в воде все иначе.

– Теперь понятно, почему! – ответил Нед уже более заинтересованно. – Вода, в отличие от воздуха, давит извне, но не проникает внутрь!

– Именно поэтому, Нед. Таким образом, на глубине тридцати двух футов от поверхности моря вы испытаете давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограмм; на глубине трехсот двадцати футов – в десять раз большее давление, то есть сто семьдесят пять тысяч шестьсот восемьдесят килограмм; на глубине трех тысяч двухсот футов – в сто раз большее давление, то есть один миллион семьсот пятьдесят шесть тысяч восемьсот килограмм; и наконец на глубине тридцати двух тысяч футов – в тысячу раз большее давление, то есть семнадцать миллионов пятьсот шестьдесят восемь тысяч килограммов; иначе говоря, вы стали бы таким плоским, будто вас расплющили гидравлическим прессом!

– Вот дьявол! – выругался Нед.

– Так что, любезный гарпунер, если на таких глубинах обитают позвоночные длиной в несколько сот метров и соответствующей величины, то миллионы квадратных сантиметров их тела должны выдерживать давление в миллиарды килограммов. Попробуйте прикинуть, насколько прочным скелетом и мощным организмом они должны обладать, чтобы противостоять такому напору!

– Сдается мне, они должны иметь обшивку из листового железа толщиной восемь дюймов, как бронированные фрегаты! – предположил Нед.

– Совершенно верно, Нед. Только представьте, какие губительные разрушения может произвести подобная глыба, врезавшись со скоростью курьерского поезда в корпус судна!

– Пожалуй... Может, вы и правы... – ответил канадец, впечатленный моими доводами, но не желающий сдаваться.

– Ну что, убедил я вас?

– Вы убедили меня лишь в одном, господин натуралист: если в морских глубинах и водятся подобные животные, они непременно должны обладать силой, о которой вы говорите.

– Но если их не существует, то чем вы объясните происшествие с «Шотландией», упрямец вы этакий?

– Например, тем... – замялся Нед.

– Ну же, смелее!

– ...что все это выдумки! – выпалил канадец, невольно повторяя знаменитый ответ Араго.

Подобный ответ лишь доказывал упрямство гарпунщика. В тот день я не стал на него наседать. Реальность происшествия с «Шотландией» не подлежала сомнению. Пришлось даже заделывать образовавшуюся в корпусе дыру – невозможно придумать более наглядное подтверждение ее существования. Но дыра эта возникла не сама по себе; подводные скалы или подводные машины тоже были явно ни при чем, а значит, ее могли проделать только клыки или бивни какого-то животного.

Причем, учитывая все вышесказанное и следуя логике моих умозаключений, можно было предположить, что это животное принадлежит к подтипу позвоночных, классу млекопитающих, группе рыбовидных и, наконец, отряду китообразных. Что касается семейства, к которому его следовало отнести (к китам, кашалотам или дельфинам), а также рода и вида – все это предстояло в итоге выяснить. Чтобы решить подобную задачу, нужно было произвести вскрытие, чтобы произвести вскрытие – изловить таинственного зверя, чтобы его изловить, нужно было его загарпунить, что являлось обязанностью Неда Ленда, чтобы его загарпунить, нужно было его увидеть, что являлось обязанностью экипажа, а чтобы его увидеть, нужно было его встретить, что зависело исключительно от воли случая.

Глава пятая Наугад!

Поначалу наше плавание на «Аврааме Линкольне» проходило без каких-либо происшествий. Хотя однажды Неду Ленду выпал случай проявить свою удивительную сноровку и тем самым вызвать всеобщее доверие.

Тридцатого июня, на широте Фолклендских островов, фрегат снесся с идущими навстречу американскими китобоями. Как выяснилось, те ничего не слышали о нарвале. Когда один из них, капитан судна «Монро», узнал, что на борту «Авраама Линкольна» находится Нед Ленд, то попросил его помочь им изловить замеченного поблизости кита. Капитан Фаррагут, желая увидеть Неда Ленда в деле, разрешил гарпунеру подняться на борт «Монро». По счастливой случайности, нашему канадцу повезло загарпунить не одного, а двух китов! Одного он уложил сразу, ловким ударом пронзив его в самое сердце, а другого – после нескольких минут погони!

Право же, доведись чудовищу иметь дело с гарпуном Неда Ленда, я не поставил бы на чудовище!

Двигаясь с невероятной скоростью, фрегат продолжил следовать вдоль юго-восточного побережья Южной Америки. Третьего июля мы оказались неподалеку от Магелланова пролива на долготе Кабо Вирхенес³¹. Однако капитан Фаррагут не пожелал идти этим извилистым путем и взял курс на мыс Горн³².

Все члены команды единодушно одобрили его решение. И в самом деле, какова была вероятность встретить нарвала в этом узком проходе? Большинство матросов утверждали, что чудовище «слишком огромное, чтобы там протиснуться!».

Около трех часов пополудни 6 июля «Авраам Линкольн», держась на расстоянии пятнадцати миль, обогнул с юга тот уединенный островок, ту затерянную на краю американского континента скалу, которую голландские моряки называли в честь своего родного города мысом Горн. Мы взяли курс на северо-запад, и утром следующего дня гребной винт фрегата уже разбивал волны Тихого океана.

– Гляди в оба! – повторяли друг другу матросы «Авраама Линкольна».

И они действительно смотрели во все глаза, прельщенные наградой в две тысячи долларов. Днем и ночью они наблюдали за поверхностью океана, не давая отдыха ни глазам, ни подозрным трубам. Причем никталопы³³, чья способность отлично видеть в темноте увеличивала шансы на пятьдесят процентов, имели значительное преимущество в этом состязании.

Вовсе не из-за денег, а лишь науки для, я вглядывался в морские просторы, как и все. На скорую руку ел, почти не спал и в любую погоду спешил на палубу. То перегнувшись через леера полубака, то опершись о фальшборт кормы, я жадно впивался глазами в кильватер, который тянулся до самого горизонта, разбавляя морскую синеву белесыми пенными хлопьями. Не раз у меня перехватывало дыхание, как и у всего экипажа, когда над водой вздымалась черная спина кита. В такие мгновения палуба тотчас заполнялась людьми. Толпы матросов и офицеров оккупировали капы³⁴. Затаив дыхание, напрягая зрение, все наблюдали за морским

³¹ Мыс на юго-восточной оконечности континентальной Аргентины в Южной Америке (*исп.* Cabo Vírgenes, букв. «Мыс Девы»).

³² Крайняя южная точка архипелага Огненная Земля, расположенная на острове Горн. Вопреки распространенному мнению не является южной оконечностью Южной Америки.

³³ Человек, видящий лучше ночью, чем днем (от *греч.* *пυξ*, *пуктос* – ночь, *ορα* – зрение).

³⁴ Кап – конструкция, образованная вертикальными стенками и настилом с подкрепляющим набором, закрывающая вырезы над помещениями судна.

исполином. Я не был исключением и все глаза проглядел (до мелькания мушек), рискуя повредить сетчатку и вовсе ослепнуть! А неизменно флегматичный Консель спокойно говорил:

То опершись о фальшборт кормы...

– Господин видел бы гораздо лучше, если бы поменьше напрягал глаза!

Увы, волнения были напрасны! «Авраам Линкольн» менял курс, чтобы нагнать замеченное животное, но всякий раз оказывалось, что это обычный кит или кашалот, который вскоре скрывался под водой, провожаемый хором проклятий.

С погодой нам по-прежнему везло. Путешествие проходило в наиболее благоприятных условиях. Хотя был не лучший сезон для плавания в южных морях, ведь июль в этих широтах соответствует европейскому январю; океан оставался спокойным, позволяя нам без труда обозревать его бескрайние просторы.

Нед Ленд пребывал в настроении упорного недоверия; вне вахты он предпочитал вовсе не смотреть на волны – если, конечно, на горизонте не появлялся кит. А ведь его орлиное зрение могло бы сослужить хорошую службу! Однако восемь часов из двенадцати упрямый канадец проводил у себя в каюте, отдаваясь чтению или сну. Сотни раз я корил его за равнодушие.

– Бросьте, господин Аронакс! – отвечал он. – Там все равно ничего нет. А даже если бы неведомое чудовище существовало, каковы шансы его заметить? Ведь мы идем наугад! Допустим, этого неуловимого зверя и впрямь видели где-то на просторах Тихого океана. Но со времени последней встречи прошло уже два месяца! А ваш нарвал, судя по его нраву, не любит подолгу торчать на одном месте. Как известно, он одарен чудесной быстротой движений. Вы лучше меня знаете, господин профессор, что природа на редкость разумна. Она не стала бы надеяться подобным талантом медлительное по натуре животное. Стало быть, если такое животное и существует, оно уже далеко!

Что тут скажешь? Мы и правда шли наугад. Ничего другого нам не оставалось. Шансы встретить нарвала таяли с каждым днем. Но пока все верили в удачу, и ни один моряк на борту не поставил бы против нарвала и его скорого появления.

Двадцатого июля мы пересекли тропик Козерога на 105° восточной долготы, а двадцать седьмого числа того же месяца перевалили экватор, двигаясь вверх по сто десятому меридиану. После чего фрегат решительно взял курс на запад, к центральным морям Тихого океана. Капитан Фаррагут резонно полагал, что лучше вести поиски в глубинных водах и держаться подальше от материков или островов, которых таинственное животное всегда избегало. По-видимому, в прибрежных водах для него было «слишком тесно», как говорил боцман. Таким образом, фрегат миновал острова Туамоту, Маркизские, Сандвичевы, пересек тропик Рака на 132° восточной долготы и направился в сторону Южно-Китайского моря.

Дни чудовища были сочтены – начался последний акт спектакля с его участием! Жизнь на борту замерла. Лишь сердца бешено колотились, готовя почву для будущей аневризмы. Команда пребывала в состоянии нервного перевозбуждения, которое трудно описать словами. Люди потеряли аппетит и сон. По двадцать раз на дню из-за ошибки восприятия или обмана зрения какого-нибудь сидящего на реях матроса все испытывали невыносимые страдания; столь сильные эмоции, к тому же испытанные двадцать раз, держали нас в ужасном напряжении, которое не могло не вызвать скорую реакцию.

И реакция не заставила себя ждать. На протяжении трех месяцев – трех месяцев, когда каждый день казался веком! – «Авраам Линкольн» бороздил все северные моря Тихого океана, преследуя замеченных китов, резко меняя направление, внезапно разворачиваясь, набирая или сбавляя скорость, всякий раз рискуя вывести из строя двигатель. Мы исследовали каждый уголок от Японских островов до побережья Америки. И не обнаружили ничего – ничего, кроме пустынных морских просторов! Ничего похожего на гигантского нарвала или подводный островок, или обломок кораблекрушения, или плавучий риф, или хоть что-нибудь сверхъестественное!

Реакция наступила. Поначалу всех охватило разочарование, открывшее дорогу неверию. На борту поселилось новое чувство, состоящее на три десятых из стыда и на семь десятых – из гнева. Моряки обзывали себя «дураками», погнавшимися за химерами, но, по большей

части, злились. Целые горы нагроможденных за прошедший год доводов рухнули в одночасье, и теперь каждый старался наверстать часы сна и отдыха, так глупо принесенные в жертву.

Человеческий разум от природы наделен подвижностью, а потому нам свойственно бросаться из одной крайности в другую. Самые горячие сторонники экспедиции неизбежно превратились в ее самых ярых хулителей. Зародившись в трюмах, волна реакции поднялась до котельной, затем до кают-компании, после чего, без особых возражений со стороны капитана Фаррагута, фрегат решительно взял курс на юг.

В любом случае, продолжать эти бесплодные поиски не имело смысла. «Авраам Линкольн» действовал безупречно, сделав все, чтобы предприятие увенчалось успехом. Ни одна команда в истории американского судоходства не проявляла такой выдержки и усердия. Моряки были невиновны в провале экспедиции. Ничего не оставалось, кроме как вернуться на родину.

О настроениях в команде сообщили капитану, но тот стоял на своем. Матросы не скрывали недовольства, и работали спустя рукава. Я бы не стал утверждать, что на борту поднялся бунт, но все же после непродолжительного сопротивления, капитан Фаррагут, как в свое время Колумб, попросил всех потерпеть еще три дня. Если за это время чудовище так и не покажется, то рулевой три раза повернет штурвал, и «Авраам Линкольн» отправится в европейские моря.

Обещание было дано 2 ноября. Экипаж воспрял духом. Все принялись с новыми силами всматриваться в океанские волны. Каждый хотел бросить на море последний взгляд, который, как правило, и остается в памяти. Подзорные трубы были нарасхват. Гигантскому нарвалу бросили последний вызов, и он просто не мог не подчиниться всеобщему требованию «предстать перед судом».

Так прошло два дня. «Авраам Линкольн» шел на малом ходу. Были использованы все возможные средства, чтобы привлечь внимание зверя или вывести его из апатии, если он вдруг появится в этих краях. Огромные куски сала были пущены на наживку – к великой радости акул, скажу я вам. Когда «Авраам Линкольн» ложился в дрейф, на воду спускались шлюпки, обследуя каждый дюйм морской поверхности вокруг фрегата. Однако к вечеру 4 ноября эта подводная тайна все еще оставалась неразгаданной.

В полдень 5 ноября истекал назначенный срок. После чего капитан Фаррагут, верный своему слову, должен был взять курс на юго-восток и окончательно покинуть северные моря Тихого океана.

Фрегат находился теперь на $31^{\circ}15'$ северной широты и $136^{\circ}42'$ восточной долготы. Японские острова лежали менее чем в двух сотнях миль под ветром. Приближалась ночь. Слякки только что пробили восемь часов. Тонкий серп молодой луны едва проглядывал из-под плотной вуали облаков. Волны мирно колыхались под форштевнем.

В тот момент я стоял на баке, опершись о штирборт. Консель находился рядом, молча глядя перед собой. Матросы, взобравшись на ванты, осматривали горизонт, который постепенно сужался и темнел. Офицеры, вооружившись ночными биноклями, напряженно вглядывались в густеющие сумерки. Порой сквозь облака пробивался лунный луч, озаряя океанские воды. Затем все вновь погрузилось во мрак.

Наблюдая за Конселем, я отметил, что славный малый слегка поддался общему настроению. По крайней мере мне так показалось. Возможно, впервые в жизни его нервы напряглись под воздействием любопытства.

– Ну что ж, Консель, – сказал я ему, – это наш последний шанс заполучить две тысячи долларов!

– С позволения господина профессора, замечу, что никогда не рассчитывал на эту награду, – ответил Консель. – К тому же, предложи американские власти хоть сто тысяч, они не потеряли бы ни цента!

– Ты прав, Консель. Напрасно мы так легкомысленно ввязались в эту глупую авантюру. Столько времени потрачено впустую, столько бессмысленных переживаний! Уже полгода, как мы должны были вернуться во Францию...

– В уютную квартирку господина профессора, – подхватил Консель, – в Парижский музей! Я бы уже закончил классифицировать найденные господином профессором окаменелости! А нашей бабируссе выделили бы клетку в зверинце Ботанического сада, и толпы любопытных со всего Парижа приходили бы на нее посмотреть!

Шлюпки обследовали каждый дюйм морской поверхности вокруг фрегата.

- Верно, Консель. Но это еще не все. Представляю, как над нами будут смеяться!
- Действительно, – невозмутимо сказал Консель, – Я полагаю, смеяться будут над господином профессором. И еще... впрочем, стоит ли об этом говорить?
- Говори, Консель.

- В общем, господин профессор сам виноват!
 - Твоя правда!
 - Когда имеешь честь быть таким видным ученым, как господин, не стоит подвергаться...
- Консель так и не закончил свою любезную фразу. Глубокую тишину нарушил громкий возглас. Это был голос Неда Ленда. Гарпунщик кричал:
- Ого! Вон наша зверюга, под ветром! Прямо напротив!

Глава шестая

На всех парах

Услышав крик, весь экипаж бросился к гарпунщику: капитан, офицеры, матросы, юнги. Даже механики покинули свои посты в машинном отделении, а кочегары оставили без присмотра свои топки. Капитан приказал остановить судно, и фрегат теперь шел по инерции.

Я недоумевал, как канадцу, при всей его зоркости, удалось хоть что-то разглядеть в этой крошечной тьме. Мое сердце готово было выскочить из груди.

Однако Нед Ленд оказался прав, и вскоре мы все увидели, на что он указывал.

В двух кабельтовых от «Авраама Линкольна», по правому борту, море как будто светилось изнутри. Но не как при обычном явлении фосфоресценции. Яркий, таинственный свет исходил от неведомого чудовища, находившегося на глубине нескольких туазов³⁵, – многие капитаны упоминали о подобном свечении в своих отчетах. По-видимому, светящиеся органы животного обладали необычайной мощностью, если могли издавать такое чудное сияние! На поверхности моря образовалось гигантское световое пятно в форме вытянутого овала, в центре которого свет был особенно ярким, постепенно ослабевая по мере приближения к краям.

– Это всего лишь скопление фосфоресцирующих организмов! – воскликнул один из офицеров.

– Ошибаетесь, сударь! – решительно возразил я. – Ни фоллады³⁶, ни сальпы³⁷ не способны производить столь яркое свечение. Этот свет – явно электрической природы... К тому же – смотрите, смотрите! Свет перемещается! Он движется то вперед, то назад! Теперь он идет прямо на нас!

На фрегате поднялся гвалт.

– Тихо! – крикнул Фаррагут. – Руль на ветер! Задний ход!

Матросы бросились к штурвалу, механики – в машинное отделение. Пар мгновенно заработал, и «Авраам Линкольн», накренившись на левый борт, описал полукруг.

– Право руля! Ход вперед! – скомандовал капитан.

Приказания были в точности исполнены, и фрегат стал быстро удаляться от светящегося пятна.

Как же я обманулся! Он лишь попытался уйти, а сверхъестественное животное, двигаясь в два раза быстрее, ринулось следом.

У нас дух занялся и, скорее, от изумления, чем от страха, мы оцепенели. Животное нагнало нас играючи. Обойдя вокруг фрегата, который мчался со скоростью в четырнадцать узлов, чудовище обдало нас волной электрических лучей, словно светящейся пылью. Затем отступило на пару миль к темнеющему вдали горизонту, оставляя после себя фосфоресцирующий след, похожий на клубы пара, выбрасываемые локомотивом курьерского поезда. А потом, разогнавшись, с пугающей быстротой устремилось к «Аврааму Линкольну», резко остановилось в двадцати футах от борта и погасло. Но не потому, что ушло под воду, иначе яркость света уменьшалась бы постепенно, а совершенно внезапно, словно источник этого сияющего потока вдруг иссяк! После чего зверь появился вновь уже с другой стороны, не то обойдя судно, не то проскользнув под корпусом. В любой момент могло произойти роковое для нас столкновение.

³⁵ Старинная французская мера длины, приблизительно равная двум метрам.

³⁶ Группа морских светящихся двусторчатых пластиножаберных моллюсков.

³⁷ Род низших морских животных из отряда оболочниковых, с прозрачным тельцем, издающим голубоватый фосфорический свет (*лат. salpa*).

К моему удивлению, фрегат вел себя довольно странно. Вместо того, чтобы нападать, он спасался бегством! Тот, кому надлежало преследовать, уходил от преследования! Я не преминул поделиться своим наблюдением с капитаном Фарагутом. Его лицо, обычно такое невозмутимое, выражало крайнее изумление.

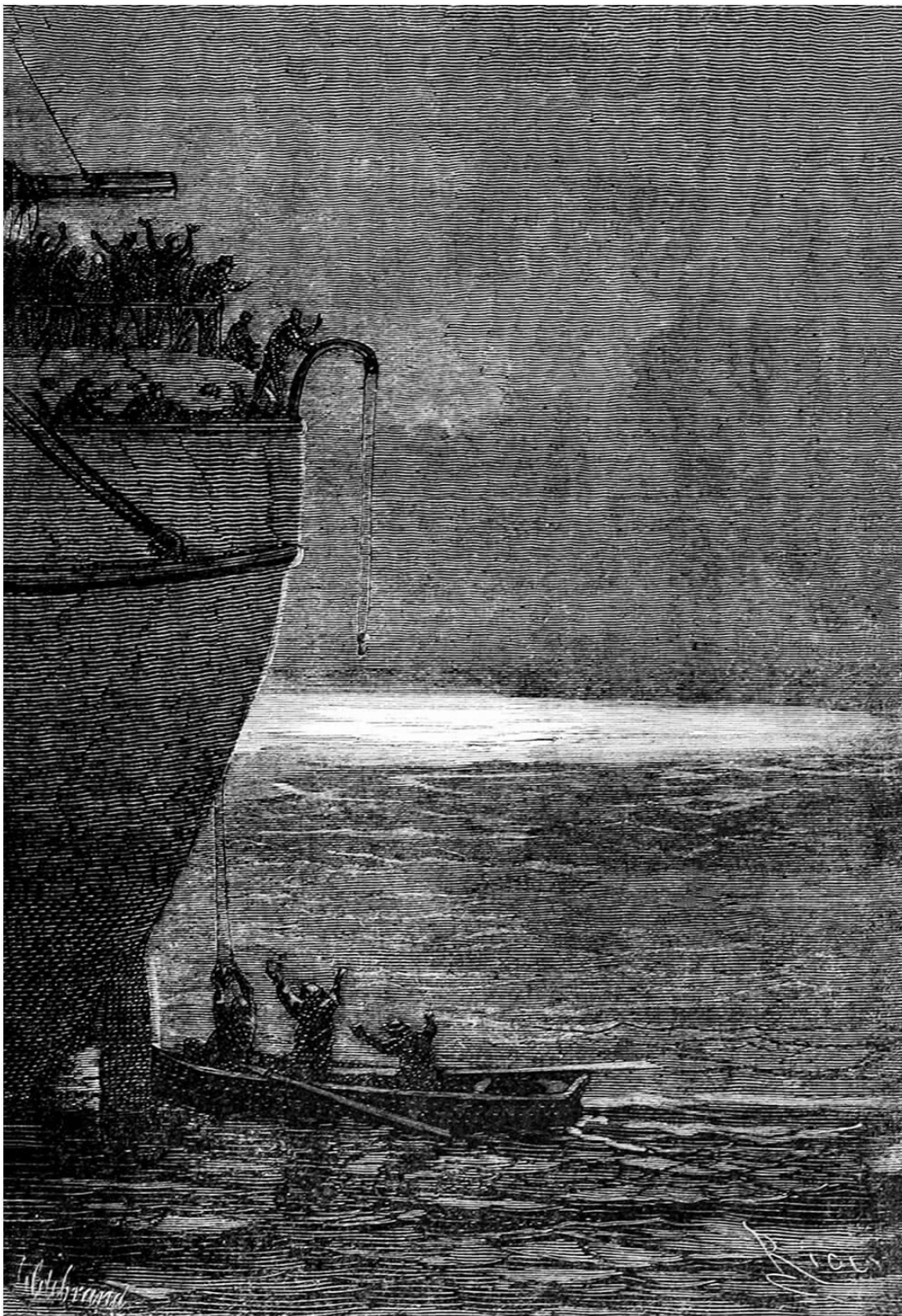
– Господин Аронакс, – ответил он, – я не знаю, с каким существом имею дело, и не хочу подвергать свой фрегат неоправданному риску в ночной тьме. Да и как бросаться в бой с неведомым? Как от него защищаться? Дождемся рассвета, и тогда роли поменяются.

– Так значит, капитан, у вас не осталось сомнений насчет природы этого животного?

– Никаких. Вероятнее всего, мы имеем дело с гигантским нарвалом, притом электрическим!

– И он не менее опасен, – добавил я, – чем гимнот³⁸ или электрический скат.

³⁸ Электрический угорь – костистая рыба из семейства угрей; водится в Южной Америке, обладает способностью производить сильные электрические удары.

Чудовище находилось на глубине нескольких туазов.

– Согласен, – сказал капитан. – И если он к тому же наделен разящей силой, это, несомненно, самое ужасное животное, созданное Творцом. Поэтому я соблюдаю все меры предосторожности.

Экипаж провел всю ночь на ногах. Никто не сомкнул глаз. «Авраам Линкольн», не имея возможности обогнать соперника, сбавил скорость и шел под малыми парами. Нарвал, в свою очередь, последовал его примеру и спокойно покачивался на волнах, словно не желая покидать театр военных действий.

И все же около полуночи он вдруг исчез – или, точнее говоря, «погас», как огромный светлячок. Неужели сбежал? Это, скорее, пугало, чем внушало надежду. Однако за семь минут до часа ночи послышался оглушительный свист, похожий на шум водяной струи, бьющей с невероятной силой.

Капитан Фаррагут, Нед Ленд и я стояли на полуюте, жадно всматриваясь в ночную мглу.

– Скажите, Нед Ленд, – спросил капитан, – часто ли вам доводилось слышать рев кита?

– Частенько, господин капитан! Но я ни разу не встречал кита, один лишь вид которого принес бы мне две тысячи долларов.

– В самом деле, вы заслужили награду. Скажите-ка, не такой ли звук слышится, когда киты выбрасывают воду из носовых отверстий?

– В точности такой, сударь! Только этот куда громче. Ошибки быть не может. Я уверен, что поблизости притаилось китообразное. С вашего позволения, – добавил гарпунщик, – завтра на рассвете я скажу ему пару ласковых!

– Если он будет в настроении вас слушать, мистер Ленд, – с сомнением заметил я.

– Дайте только подойти к нему на расстояние четырех гарпунов, и тогда он точно меня выслушает! – парировал канадец.

– В таком случае вам понадобится китобойная шляпка с командой? – уточнил капитан.

– Само собой, господин капитан.

– Но ведь тогда я поставлю на карту жизни своих людей!

– Как и мою, – простодушно заметил гарпунщик.

Около двух часов ночи световое пятно, все такое же яркое, вновь появилось в пяти милях с наветренной стороны от «Авраама Линкольна». Несмотря на расстояние, несмотря на шум ветра и волн, отчетливо слышались удары могучего хвоста животного и его тяжелое дыхание. Казалось, что воздух, подобно пару в огромных цилиндрах машины в две тысячи лошадей, с хрипом врывался в легкие гигантского нарвала, когда тот всплывал на поверхность океана, чтобы перевести дыхание.

«Ну и кит! – подумал я. – Хорош же он, раз способен помериться силами с целым кавалерийским полком!»

До рассвета мы оставались настороже, готовясь к бою. Вдоль бортов были разложены орудия лова. Помощник капитана приказал зарядить мушкетоны, запускавшие гарпун на расстояние в милю, и длинноствольные ружья, стрелявшие разрывными пулями, ранения от которых смертельны даже для самых крупных животных. Нед Ленд довольствовался тем, что заточил свой гарпун, представлявший собой грозное оружие в его руках.

В шесть часов занялась заря, и с первыми лучами солнца электрическое свечение нарвала угасло. В семь часов стало достаточно светло, однако весь горизонт был окутан густым утренним туманом, непроницаемым для самых мощных подзорных труб. Всех охватило разочарование и бессильная ярость.

Я вскарабкался на бизань-мачту. Несколько офицеров уже сидели на верхушках мачт.

В восемь часов туман тяжело поплыл над волнами, и его плотные клубы начали постепенно рассеиваться. Горизонт сразу расширился и просветлел.

И тут, совсем как накануне, раздался возглас Неда Ленда.

– Вон он! За кормой, с левого борта! – крикнул гарпунщик.

Все взгляды вмиг обратились в ту сторону.

Там, в полутора милях от фрегата, примерно на метр возвышаясь над волнами, виднелось длинное темное тело. Бешеные колебания его хвоста производили мощную кильватерную

струи. Еще ни один хвостовой плавник не рассекал волны с такой силой! За животным тянулся широченный, ослепительно-белый след, описывая длинную дугу.

Фрегат приблизился к китообразному. Я с любопытством разглядывал неведомого зверя. Судовые отчеты «Шеннона» и «Гельвеции» несколько преувеличили его размеры: по-моему, длина животного не превышала двухсот пятидесяти футов. Его толщину я мог определить лишь приблизительно; в целом, это существо показалось мне восхитительно пропорциональным во всех трех измерениях.

Пока я разглядывал удивительное китообразное, из его носовых отверстий вырвались две струи воды и пара, которые поднялись на высоту сорока метров, что дало мне некоторое представление о его способе дыхания. Я с уверенностью заключил, что это животное принадлежит к подтипу позвоночных, классу млекопитающих, подклассу монodelфиновых, группе рыбovidных, отряду китообразных, семейству... Этого я пока не решил. Отряд китообразных включает в себя три семейства: китов, кашалотов и дельфинов. К последним и относятся нарвалы. Каждое из этих семейств подразделяется на множество родов, каждый род – не виды, каждый вид – на разновидности. Мне не хватало данных, чтобы определить разновидность, вид, род и семейство, но я не сомневался, что сумею это сделать с помощью небес и капитана Фаррагута.

Моряки с нетерпением ожидали приказов начальника. Внимательно понаблюдав за животным, тот приказал позвать старшего механика. Тот сразу же явился.

– Достаточно ли у нас давления? – спросил Фаррагут.

– Так точно! – ответил механик.

– Хорошо. Тогда поддайте огня, и полный вперед!

Приказ был встречен троекратным «Ура!». Час битвы пробил. Несколько минут спустя обе трубы фрегата извергали столбы черного дыма, а палуба дрожала от гула паровых котлов.

Подгоняемый своим мощным винтом, «Авраам Линкольн» двинулся прямо на зверя. Тот спокойно подпустил фрегат на полкабельтовых; затем, не посчитав нужным погружаться, слегка ускорил ход, сохраняя дистанцию.

Погоня продолжалась почти три с четвертью часа, однако фрегату не удалось приблизиться к китообразному и на два туза. Было очевидно, что, двигаясь с такой скоростью, мы никогда его не догоним.

Капитан Фаррагут в бессильной ярости теребил густую бороду.

– Нед Ленд! – вскричал он.

Канадец немедленно подошел.

– Как по-вашему, мистер Ленд, – обратился к нему капитан, – не пора ли спустить шлюпки?

– Нет, сударь, – ответил Нед Ленд. – Эта зверюга все равно не даст себя схватить, пока сама того не пожелает.

– Что же делать?

– Поддать пару, если возможно. Ну а я – разумеется, с вашего позволения, – заберусь на бушприт³⁹ и, если мы подойдем на расстояние броска, попытаюсь загарпунить этого гиганта.

– Действуйте, Нед, – кивнул капитан Фаррагут и тут же распорядился: – Механик! Увеличьте давление!

Нед Ленд занял свою позицию. Температура в котлах поднялась; винт теперь выдавал сорок три оборота в минуту, пар вырывался из клапанов. Бросив лаг, мы удостоверились, что «Авраам Линкольн» делает восемнадцать с половиной миль в час.

Но проклятое животное тоже мчалось со скоростью восемнадцати с половиной миль в час!

³⁹ Брус, выступающий вперед с носа корабля.

По прошествии еще одного часа, двигаясь с той же скоростью, фрегат не приблизился ни на туаз! Это было крайне унижительно для одного из самых быстроходных кораблей американского флота. Команду охватила глухая ярость. Матросы осыпали зверя оскорблениями, на которые тот не трудился отвечать. Капитан уже не теребил, а кусал свою бороду.

Снова послали за механиком.

– Давление пара на пределе? – спросил его Фаррагут.

– Так точно, господин капитан, – отвечал механик.

– А как насчет давления клапанов?..

– Шесть с половиной атмосфер.

– Увеличьте до десяти.

Вот вам пример уникального американского подхода! На Миссисипи нет иного способа обойти «конкурентов»!

– Консель, – сказал я стоявшему рядом слуге, – ты ведь понимаешь, что мы сейчас, возможно, взлетим на воздух?

– Как будет угодно господину профессору, – ответил Консель.

Признаться, я был не прочь рискнуть.

Давление в клапанах увеличили. Уголь закинули в топки. Вентиляторы направляли потоки воздуха на раскаленные горнила. Скорость «Авраама Линкольна» возросла. Мачты дрожали до самого основания, клубы дыма с трудом пробивали себе дорогу по слишком узким трубам.

Вскоре лаг бросили во второй раз.

– Сколько? – спросил Фаррагут у рулевого.

– Девятнадцать и три десятых мили, капитан!

– Подбросьте еще угля!

Механик исполнил приказ. Манометр показывал десять атмосфер. Но кит, несомненно, тоже «поддал жару», поскольку без видимых усилий разогнался до девятнадцати и трех десятых миль.

Знатная была погоня! Все мое существо вибрировало от нахлынувших эмоций, которые не поддаются описанию. Нед Ленд, с гарпуном в руке, не покидал своего поста. Животное не раз позволяло фрегату сократить расстояние.

– Нагоняем! Мы его нагоняем! – кричал канадец.

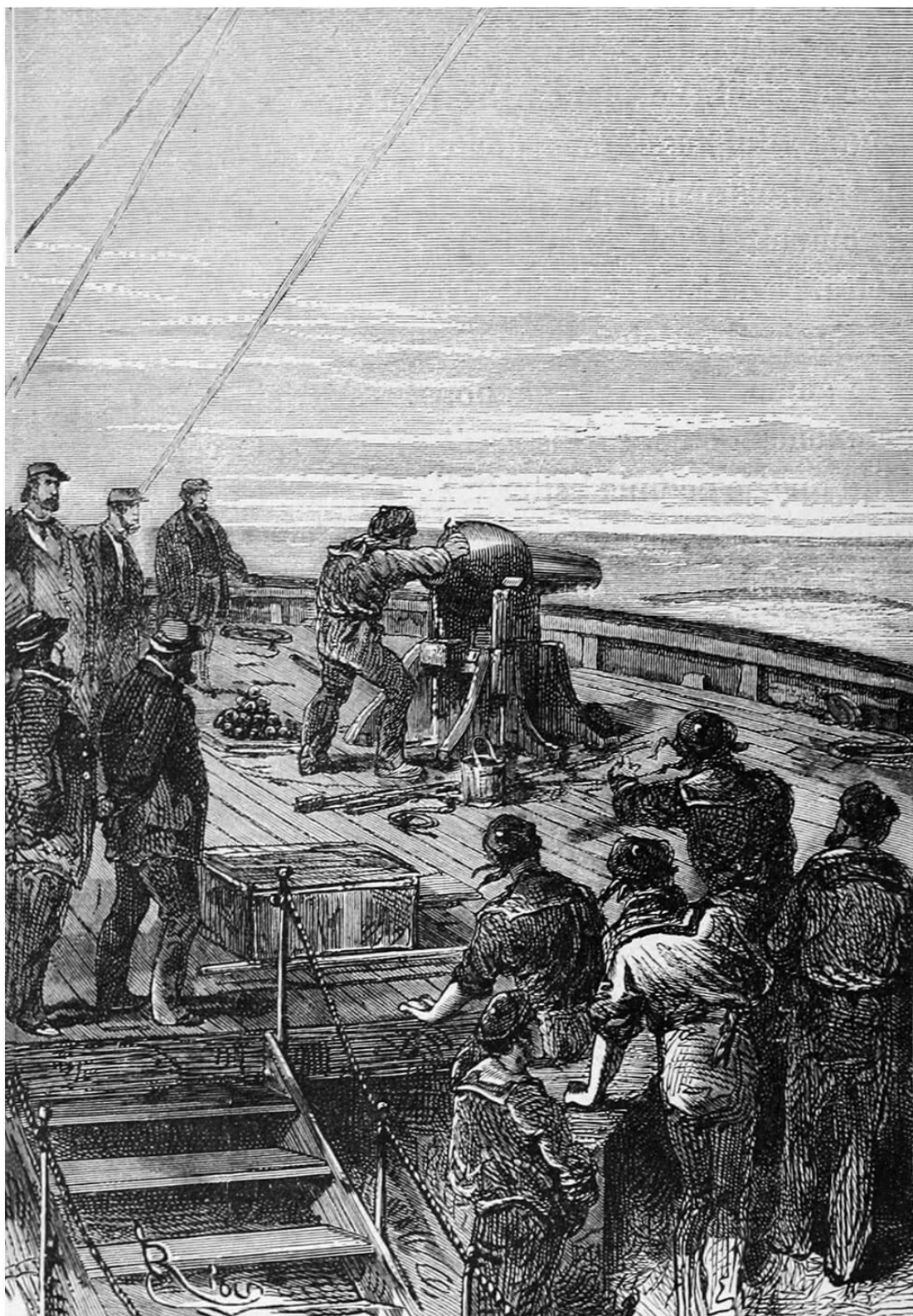
Но только он собирался нанести удар, китообразное вдруг ускользало со скоростью не менее тридцати миль в час. Морское чудовище будто дразнило идущий на всех парах фрегат, огибая его по дуге! Единодушный крик ярости вырывался из груди моряков!

В полдень расстояние между нами было таким же, что и в восемь часов утра.

И тогда капитан Фаррагут решил применить более действенные методы.

– Ах, так! – воскликнул он. – Эта тварь смеет обгонять «Авраам Линкольн»! Ну мы еще посмотрим, как она обгонит его конические снаряды. Боцман! Приставить людей к носовому орудью!

Установленную на баке пушку немедленно зарядили и навели на цель. Грянул выстрел, однако пущенный снаряд прошел в нескольких футах над китом, державшимся на расстоянии в полмили.

Старый канонир с седой бородой.

– Второй выстрел! – крикнул капитан. – И пятьсот долларов тому, кто поразит это дьявольское отродье!

Старый канонир с седой бородой, спокойным взглядом и бесстрастным лицом – он до сих пор стоит у меня перед глазами! – подошел к орудию, привел его в боевое положение и стал

прицеливаться. Целился он долго. Наконец раздался оглушительный выстрел, сопровождаемый победными возгласами команды.

Снаряд достиг цели и попал в животное, однако не причинил ему вреда и, скользнув по округлой поверхности, пролетел еще две мили и затерялся в морской пучине.

– Да чтоб тебя! – разозлился канонир. – Этот паршивец покрыт шестидюймовой броней!

– Проклятье! – вторил ему капитан Фаррагут.

Погоня возобновилась. Наклонившись ко мне, капитан сказал:

– Я буду преследовать этого зверя, пока мой фрегат не взорвется!

– И будете совершенно правы! – ответил я.

Оставалось надеяться, что силы животного рано или поздно иссякнут, и его одолеет усталость, не свойственная паровым машинам. Увы, ничего подобного не случилось. Проходили часы, но чудовище не выказывало никаких признаков утомления.

Впрочем, к чести «Авраама Линкольна» стоит отметить, что он держался с неутомимой стойкостью. По моим оценкам, в тот злополучный день 6 ноября он преодолел не менее пятисот километров! Но потом наступила ночь, погрузив бурный океан во мрак.

В ту минуту я подумал, что наша экспедиция окончена, и мы больше не увидим загадочное животное. Однако я ошибался.

В десять часов пятьдесят минут вечера в трех милях по ветру от фрегата вновь появилось электрическое свечение, такое же чистое и яркое, как в предыдущую ночь.

Нарвал казался неподвижным. Наверное, утомился за день и теперь спал, покачиваясь на волнах. Капитан Фаррагут решил попытать удачи.

Он отдал распоряжения. «Авраам Линкольн» шел на малом ходу, продвигаясь осторожно, чтобы не разбудить противника. Встретить посреди океана и успешно атаковать крепко спящего кита – не такая уж редкость, и Неду Ленду не раз удавалось таких загарпунить. Канадец вновь занял свой пост на бушприте.

Фрегат бесшумно приблизился к животному, остановился в двух кабельтовых от него и двигался теперь по инерции. Все затаили дыхание. На палубе воцарилась полная тишина. Мы находились не далее чем в ста футах от пылающего света, отблеск которого все усиливался и теперь слепил глаза.

Перегнувшись через леера на носу фрегата, я увидел внизу Неда Ленда: одной рукой он уцепился за мартин-гик, в другой сжимал свой грозный гарпун. Всего двадцать футов отделяли его от неподвижного животного.

Вдруг рука Неда заметно напряглась, и он запустил гарпун. Я услышал звонкий лязг оружия, ударившегося о твердое тело.

Электрическое свечение внезапно погасло, и два гигантских водяных вихря обрушились на палубу фрегата и прокатились, словно цунами, от носа до кормы, сшибая с ног людей и обрывая найтовы⁴⁰ спасательных плотов.

Затем последовал чудовищный удар. Не успев схватиться за леера, я вылетел за борт и рухнул в море.

⁴⁰ Найтов – судовая снасть, используемая для закрепления предметов оборудования и снабжения, деталей судовых устройств, а также штучных грузов в трюмах и на палубе (от голл. *naaien* – шивать и *touw* – трос, веревка).

Глава седьмая

Кит неизвестного науке вида

Хотя неожиданное падение застигло меня врасплох, я отчетливо помню все, что со мной происходило.

Сначала я погрузился футов на двадцать в воду. Плаваю я хорошо – пусть не так мастерски, как Байрон или Эдгар По, – так что ничуть не растерялся. Пара энергичных движений ногами вернули меня на поверхность.

Первым делом я поискал глазами фрегат. Заметил ли экипаж мое исчезновение? Повернул ли «Авраам Линкольн» на другой галс? Приказал ли капитан Фаррагут послать за мной шлюпку? Есть ли надежда на спасение?

Меня окружала кромешная тьма. На востоке смутно угадывались исчезающие вдали очертания какой-то темной массы – ее огни угасали по мере удаления. Это был фрегат. Я понял, что погиб.

– Сюда! Я здесь! – кричал я, отчаянно гребя в сторону «Авраама Линкольна».

Мне мешала одежда. Намокнув, она прилипла к телу и сковывала движения. Я шел ко дну! Я задыхался!..

– Помогите!

Это был мой последний крик. Рот захлестнуло водой. Я барахтался из последних сил, погружаясь в морскую пучину...

Вдруг чья-то могучая рука схватила меня за одежду и вытащила на поверхность воды, а потом я услышал, как чей-то голос произнес у самого моего уха:

– Если господин изволит опереться на мое плечо, ему станет гораздо легче плыть.

Я вцепился в руку моего верного Конселя.

– Это ты! – выдохнул я. – Ты!

– Собственной персоной, – ответил Консель, – и в полном распоряжении господина профессора.

– Тебя тоже выбросило за борт вместе со мной?

– Нет. Но поскольку мой долг – служить господину профессору, я последовал за ним.

Благородный Консель считал свой поступок естественным!

– А фрегат? – спросил я.

– Фрегат? – усмехнулся Консель, переворачиваясь на спину. – Думаю, господину профессору не стоит на него рассчитывать.

– Почему?

– Потому что, когда я прыгнул в море, вахтенные кричали: «Винт и руль сломаны!»

– Сломаны?

– Да! Чудовище пробило их своим клыком. Кажется, в остальном «Авраам Линкольн» не пострадал. Но, к несчастью для нас, потерял управление.

– Тогда нам конец!

– Возможно, – спокойно ответил Консель. – Тем не менее у нас в запасе еще несколько часов, а за несколько часов может произойти все, что угодно!

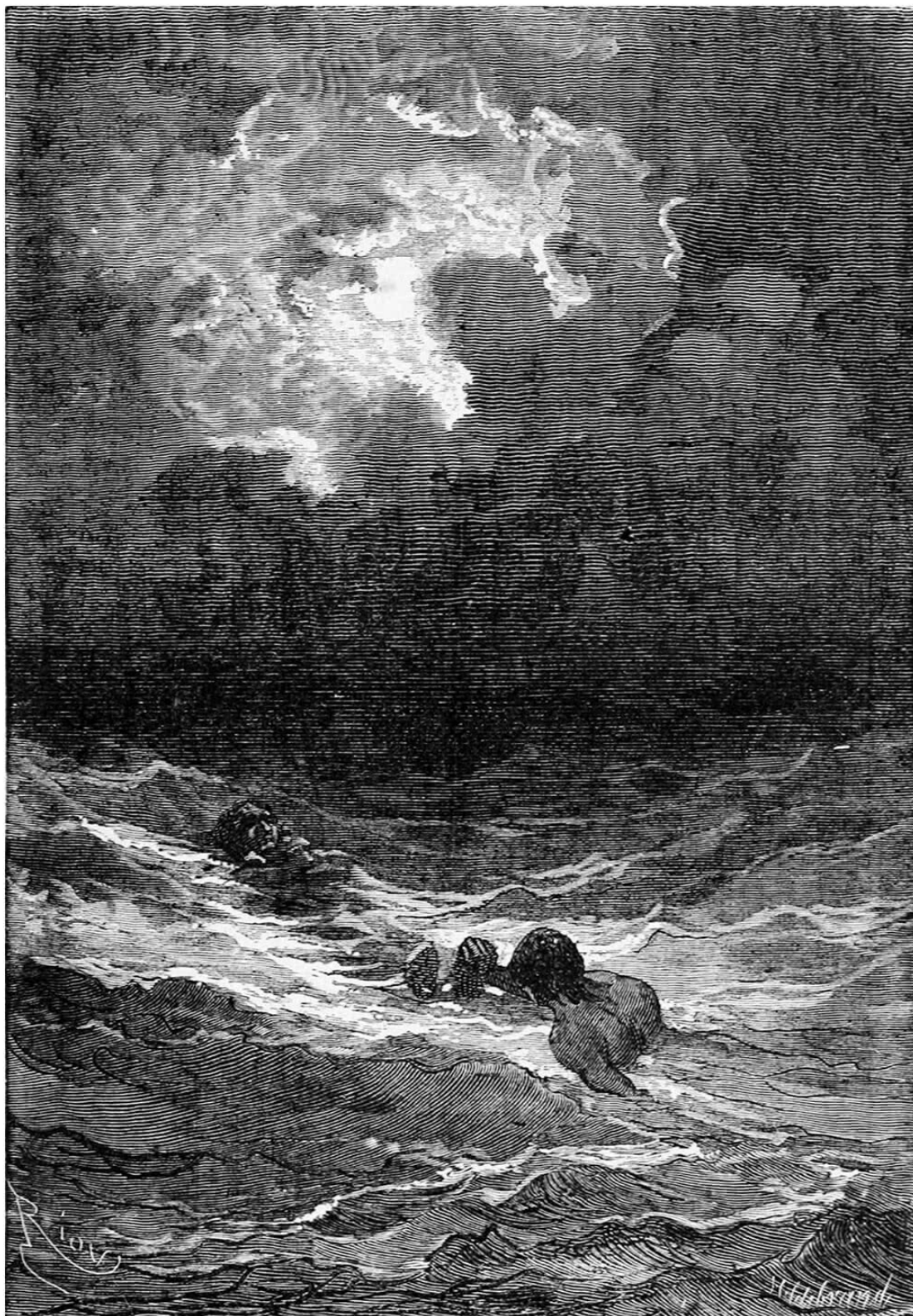
Невозмутимое хладнокровие Конселя придало мне сил. Я стал грести энергичнее, хотя из-за одежды, которая сковывала меня, как свинцовая мантия, с трудом держался на воде. Консель это заметил.

– С позволения господина я разрежу, – сказал он.

И, просунув раскрытый нож мне под одежду, вспорол ее сверху донизу одним ловким движением. А затем проворно помог мне высвободиться, пока я греб за двоих. В свою очередь,

я оказал Конселю ту же услугу, после чего мы продолжили «плавание», идя параллельными курсами.

Впрочем, положение улучшилось не намного. Быть может, нашего исчезновения не заметили, а если и заметили, потерявший управление фрегат все равно не мог подойти к нам против ветра. Значит, оставалось рассчитывать только на шлюпки.

Пока один из нас будет неподвижно лежать на спине...

Спокойно выслушав мои аргументы, Консель составил план действий. Удивительный малый! Благодаря своей флегматичной натуре он чувствовал себя в воде, как рыба!

Итак, мы пришли к выводу, что единственный шанс спастись – дожидаться шлюпку «Авраама Линкольна», а потому нужно протянуть как можно дольше. Я решил, что необходимо распределить силы, чтобы те не иссякли одновременно, и вот что мы придумали: пока один из нас будет неподвижно лежать на спине, скрестив руки и вытянув ноги, другой продолжит плыть, толкая его перед собой. Через десять минут мы поменяемся ролями; действуя таким образом, мы сумеем продержаться на воде нескольких часов – а может, и до самого рассвета.

Шанс призрачный, но ведь надежда умирает последней! К тому же нас было двое. Даже если бы я и захотел избавиться от малейших иллюзий и впасть в отчаяние, клянусь, у меня ничего не вышло бы – хотя это может показаться неправдоподобным! Столкновение фрегата с нарвалом произошло около одиннадцати часов вечера. А значит, по моим расчетам, до рассвета нам предстояло плыть еще восемь часов. Вполне осуществимая задача, если сменять друг друга. Море было спокойным, мы почти не утомлялись. Время от времени я пытался проникнуть взглядом сквозь густую тьму, нарушаемую лишь фосфоресценцией моря, потревоженного нашими движениями. Я смотрел на светящиеся волны, которые разбивались о мою руку; их зеркальная поверхность покрывалась жидкими пятнами. Нас словно окунули в чан, наполненный ртутью!

Около часа ночи я ощутил крайнюю усталость. От дикого напряжения мои конечности сводило судорогами. Конселю пришлось меня поддерживать, и вся забота о нашем спасении легла теперь на его плечи. Вскоре бедняга начал выбиваться из сил; его дыхание стало частым и прерывистым. Я понял, что долго он не продержится.

– Оставь меня! Оставь! – говорил я ему.

– Бросить господина одного? Никогда! – отвечал он. – Лучше утонуть первым!

В этот момент из-за тучи, которую ветер погнал на восток, выглянула луна. Поверхность моря заискрилась под ее лучами. Этот благотворный свет придал нам сил. Подняв голову, я осмотрелся. И вдруг заметил на горизонте фрегат. Он был в пяти милях от нас и казался едва различимой бесформенной тенью. Но ни единой шлюпки!

Я хотел крикнуть. Пустая затея: поди докричись на таком-то расстоянии! Мне так и не удалось разомкнуть распухших губ. Однако Консель еще мог выговаривать хоть какие-то слова – я услышал, как он несколько раз повторил:

– Сюда! Мы здесь!

На мгновение замерев, мы прислушались. И вдруг – хотя, возможно, у меня просто зазвенело в ушах, – мне почудилось, что кто-то отозвался на крик Конселя.

– Ты слышал? – прошептал я.

– Да! Да!

И Консель вновь огласил пространство отчаянным криком.

На этот раз ошибки быть не могло! Человеческий голос откликнулся на наш зов! Был ли то голос какого-нибудь затерянного в океане бедолаги, еще одной жертвы рокового столкновения? Или с фрегата все-таки отправили шлюпку, и матросы окликали нас в темноте?

Консель собрал последние силы, оперся на мое плечо, что потребовало от меня невероятного напряжения, высунулся наполовину из воды и в изнеможении рухнул обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.